

НЕ ДУМАЙ.
НЕ ДЫШИ.

АРИНА ЗАРУДКО

Арина Зарудко

Не думай. Не дыши

<https://litres.ru/74060016>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новое столетие ознаменовала революция. В полуразрушенном мире практически не осталось деревьев, книг, свежего воздуха и свободы. А всем людям от двадцати одного года внедрили чип, считывающий мысли, который перестает работать только ночью. Теперь неуютные новому правительству мысли караются в зависимости от степени их тяжести.

Во всем этом хаосе Эстер Сильвер старается удержаться за свою истинную сущность. Бывший журналист и писатель, некогда дышащий словами, скован жестокими порядками нового времени. Она не только не может писать, но даже помышлять об этом. Однако творца невозможно отделить от его творений. Один внутренний бунт перерастает в новый, более масштабный, и именно он приводит Эстер к неизбежному – встрече с представителями сопротивления.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Арина Зарудко

Не думай. Не дыши

НЕ ДУМАЙ. НЕ ДЫШИ.

Думающим, любящим, верящим.

ЧАСТЬ 1

1

Меня зовут Эстер. И мои мысли больше мне не принадлежат.

Как и все остальное. Как и *всем* остальным. Исключая, разве что тех немногих привилегированных скотов, которые заложили фундамент этого сумасшедшего дома. Создали настоящий ад на земле.

Но обо всем по порядку.

Наш мир перестал быть безопасным много столетий назад. Кажется, он и был задуман таковым. Или, быть может, бог, ввязываясь во всю эту канитель с созданием мира, начисто опростоволосился – что-то в его системе пошло не так, порушилось, словно карточный домик. Бесконечные войны, борьба за власть, поиск одной единственной истинной религии и смерть, смерть, смерть. Все по кругу. Вереница страха,

крови, потерь, бедствий. Если люди со временем чему-то и учатся, так это тому, как изощреннее уничтожать друг друга.

Попадая в информационное поле прошлого столетия, я просто выпадаю в осадок от изумления – как мы еще живы? Хотя можно ли назвать это жизнью... мысль моя вьется, словно спутанная нить. Но прошу, дождитесь моей отповеди той реальности, в которой я по какому-то немислимому замыслу внепространственного разума оказалась. Если ваш эмоциональный интеллект довольно развит, реакция последует незамедлительно. Однако, кого я обманываю, люди еще помнят, что такое эмоции?

Словом, я поражена, как еще жива. Как жизнь еще не прекратилась на нашей искалеченной планете? После стольких разрушительных событий, катаклизм, мировых войн, глобальных потеплений, дыр в атмосфере, мы, черт возьми, взяли и сохранили способность к размножению? Этот факт просто ввергает меня в пучину диссонирующих чувств. На самом деле, всем было бы лучше, случись человеческому ДНК затеряться где-нибудь на просторах бездонного космического лона. Но мы живы. И наши сердца бьются, вторя едва уловимому пульсу земли, которая устала сражаться.

Итак. Мир небезопасен. Мы живы. Что-то не ладится в этом уравнении. Вырисовывается оксюморон. Но я ничего не могу с этим поделать, это данность. Планету Земля не сожрала звезда-титан под названием Солнце. Океаны хоть и стали менее населенными, но не иссохли, как предполага-

лось. Прогнозы эоактивистов из 21 века сулили нам гибель от накопления пластика, выбросов в атмосферу и злосчастного глютенa. Но, посмотрите на начало этого абзаца. Мы живы. Да, наша планета – по-прежнему нас терпит. А люди... люди по-прежнему устраивают из нее свалку. Многие животные вымерли. Мы не знаем, какая рыба на вкус. Точнее, знаем, но лишь ее искусственно модифицированный вариант. Хотелось бы попробовать настоящие морепродукты. Но наши предки отчего-то умели лишь хорошо говорить, а вот с делами как-то не заладилось. А может, это рыбе надоело жить в паршивых условиях? И я ее понимаю.

Что еще? Воздух. Он просто ужасен. Большую часть лесов уничтожили коммерческие организации под застройку. Вообще, люди редко находятся на улице слишком долго – это опасно для здоровья. Хотя, о чем это я. *Все, что мы делаем*, представляет сейчас опасность для нашего здоровья. Отсутствие чистого воздуха, морепродуктов, лесов и безопасности – это еще полбеда, уж поверьте.

Верховодит всем этим парадом безумия «превосходное» нововведение мирового сообщества. Заключается оно в том, что отныне наши мысли подконтрольны. К этому давно шло, но несколько лет назад жизнь стала сущим мучением. Кто-то не выдержал этой пытки и добровольно покинул этот аттракцион, разорвав путы и отказавшись от своего существования. А для кого-то жизнь слишком ценна, чтобы сдаваться. Не знаю, к какой касте отношусь я. Я не сдалась. Но бо-

рюсь ли? Едва ли.

Раньше всех прививали от неизлечимых болезней. Сейчас же в мозг каждого вживляют крошечный чип. Эта штуковина похожа на пластинку. Эти чертовы исследователи гарантировали «отсутствие дискомфорта», но имели место случаи, когда люди сходили с ума или умирали от страшных последствий поражения мозга. Не могу противиться с мыслью, что они были счастливчиками. Хоть мне и сложно идентифицировать себя настоящую в своих мыслях отныне. Когда учишься их контролировать, теряешь другой навык – слышать свой подлинный внутренний голос. Слышать свою душу.

В этом смысл чипа. Он лишает нас наших душ. Внутренний голос, который так часто шептал мне идеи для новых текстов, затих. Вернее, мне пришлось изрядно попотеть, чтобы заглушить его попытки пробиться сквозь ментальные баррикады. Я «шикала» на него, усмиряла, и наконец, кажется, приструнила. Просто, чтобы выжить. Слабость это? Сдалась ли я системе с потрохами? Волна безумия, захлестнувшая мир, утопила и меня. Но, подождите, если я еще могу вынуть из сердца остатки светлых чувств, а из сознания – проблески некогда лившейся из меня красоты слов, значит, что-то еще удерживает меня на плаву.

Чип отслеживает мысли. В этом его главная задача. Он тушит наши когнитивные функции, чтобы нами было легко управлять. Конечно, в этом никто не признается. Основ-

ной лозунг «одни мысли на всех» – якобы таким образом человечество научится мыслить «правильно», без изъянов. А следовательно, поступки людей всегда будут обусловлены лишь законом, уровень преступности снизится, и все мы будем жить долго и счастливо на розовом облачке. Занавес.

Но, кого мы дурим, каждая, даже самая отполированная система, имеет проплешины. Скоро мы это увидим. Или нет. Я уже не знаю, нужно ли мне верить в какие-то идеи, подпитывающие мои жизненные силы. По крайней мере, у меня есть цель – увидеть крах этой изуверской затеи. А еще – не спятить. Сохранить себя. Если во мне еще осталось что-то от *меня*.

Так вот, чип. У нас не было выбора.

После самой крупной войны за последние сто лет наступило оглушительное молчание. Своей ненавистью мы выжгли землю до самого ее основания. Наверное, даже ад всколыхнулся, затрещал по швам, а, может, и вовсе потонул в липком мраке, душащем все живое и мертвое. Все были истощены, но это и подтолкнуло людей к сопротивлению. Восстания, словно огненные всполохи, загорались на разных концах планеты. Слишком много боли свалилось на плечи человечества, и очаги этой боли нужно было немедленно погасить. Конечно, революционные настроения зачастую порождаются романтическими и мечтательными порывами. Не наш случай. Все было построено на всепоглощающей ненависти и презрении. А еще – на усталости. Может, это и послужило

тем самым ключевым фактором нашего проигрыша на этом поле боя. Не могу ручаться. Я вообще слабо ориентировалась во всем этом ужасе. Помню только, что писала какие-то заметки о последних событиях, а потом рыдала в уборной офиса, исполненная опустошающего отчаяния и бессилия.

Мятежи, конечно, подавлялись. И подавлялись жестко. Каждая страна, замешанная во всем этом многоактовом спектакле, карала на свой лад. Но было нечто общее – спустя какое-то время люди стали пропадать. Мятежников задерживали: кого-то отправляли томиться в ожидании смертного приговора (да-да, его легализовали в 157 странах около 70 лет назад), кого-то убивали на месте, а кто-то бесследно исчезал.

Позже стало известно, что главы государств объединились в мировую коалицию, этот бал стали править несколько лидеров. Они решили, что так их власть будет абсолютной. Но стала она таковой после изобретения чипа. Те самые мятежники и превратились в подопытных мышей – *«они пожертвовали своими мозгами во имя всеобщего блага...»* Для справки: «благо» в понимании современных правителей – отсутствие беспорядков и неугодных мыслей у их рабов. Эксперименты ставились довольно долго и под эгидой строжайшей секретности. А когда по миру поползли слухи, никто не воспринял это всерьез.

– Кажется, нам хотят вживить в мозг штуковину, отслеживающую мысли, – как-то выдал мой бывший коллега Билл,

выглядывающая из-за монитора компьютера.

– Где ты это вычитал, Билли? Из очередной квазинаучной статейки про зомби и прочую ересь? – смеясь ответил Люк, глава новостного отдела.

– Да нет же. Вот исследования. – Билл ткнул пальцем в монитор. – Кто-то слил информацию в открытый доступ.

Но никто даже слушать не стал. Все вспомнили Билли только тогда, когда к нам в редакцию пришли люди в этой ужасной бесцветной форме с чемоданчиками и отрешенными лицами, с которых стерся самый намек на жизнь. Нам велели подписать бумаги, но они не представляли собой никакой ценности. Чистая формальность для очистки совести. Тогда редактор сказал всем сотрудникам, что это приказ свыше, что это необходимо для контроля населения, словом, нес полнейшую ахинею. На самом деле, им нужно было только одно – власть над нашими умами. Контролируя мысли людей, ты можешь контролировать мир. Избежать терактов, новых мятежей, революций, убийств, насилий, восстаний против нового самопровозглашенного правительства.

Сам процесс введения чипа – секунда. Отделяющая тебя от жизни, в которой были слова, мысли, свобода или хотя бы ее тень. Эта секунда уничтожала саму суть концепции свободы. Нам запретили думать о том, о чем думать недозволено. Один укол в шею – ты даже не видишь, как игла проникает в кожу, но чувствуешь, что все изменится, стоит ей выпустить яд, – и отныне ты раб.

Я помню, как зашла в комнату без окон, которая служила складом. Там оборудовали небольшую зону, где женщина с пластмассовым выражением лица и улыбкой как у героинь из «Степфордских жен» пригласила меня сесть на кресло, покрытое одноразовой пленкой.

– Это будет быстро, – неестественным, парафиновым голосом произнесла она. – Я сделаю укол. Соберите волосы, мне нужно добраться до головы.

Мои брови невольно сдвинулись, сердце затрепыхалось, словно птица, которую изловили голыми руками и заперли в клетке. Что-то неладное, что-то совершенно ненужное и злое крылось во всей этой процедуре. Это знал каждый мало-мальски соображающий человек. В нашей редакции такими людьми были все. Медики – полбеды, а вот военные с автоматами на входе – это уже прямо-таки эпиграф к древнегреческой трагедии, неминуемо заканчивающейся смертью. Мы все это поняли. Сопротивляться нельзя, иначе пуля в лоб и мрак, застилающий глаза до окончания времен.

Я собрала волосы в пучок. Сейчас я уже не ношу длинные волосы, они напоминают о том дне, когда у меня еще был голос.

– Зачем это все? – спросила я, не рассчитывая на правдивый ответ.

– Стандартная процедура.

И она зачитала заученный текст, который ранее уже декламировал нам редактор. Но эта штукovina, которую вве-

ла мне под кожу пластмассовая медсестра, представляла собой нечто иное. Это было олицетворением конца. Мировой катастрофы, засунутой в несколько тысяч микросхем.

Помню, как почва под ногами стала рыхлой, притяжение словно покинуло эту землю, все стало каким-то ирреальным, бутафорским, деструктивным, как будто вселенская кисть вдруг стала писать сюрреалистические сюжеты. И это через мгновение после вживления чипа. Два дня после я не могла встать с кровати. Потом меня лихорадило. Нам говорили, что это нормальная реакция организма. Из моего настенного монитора то и дело высывалась дамочка, убеждающая меня, что скоро я поправлюсь. Нам обещали раскрыть смысл этой процедуры, когда симптомы нивелируются, и мы снова сможем здраво мыслить.

В нашем мире уже нет телевидения, но есть что-то похожее на телевидение – сенсорные экраны можно найти в каждом доме, программа считывает твои пожелания и показывает то, что тебе интересно. За исключением одного – один информационный канал, который стали смотреть только после очередного восстания. Так вот теперь он автоматически включался в любое время, когда появлялась важная информация, которую необходимо было донести до граждан. Через неделю я узнала, что у 10% населения чип не прижился, и это только пока. В некоторых регионах люди отказывались от принудительной процедуры, и их наказывали. Вы наверняка имеете представление, как именно они это делали. Уверена,

что за те недели погибло немало людей, хоть нам и говорили обратное. Но мы настолько привыкли к ежедневным порциям лапши на уши, что наши мозги выработали резистентность к подобной чуши. Если что-то говорит информационный канал, очевидно, это помои, которые следует делить на десять.

Но не в тот день.

В день, когда мы узнали правду. В день, когда я впервые получила разряд током и чуть не погибла. Меня нашла соседка, вызвала скорую, меня вытащили с того света и объяснили, что причиной всему – мои мысли. Впредь я должна быть осторожнее.

Когда мы все столкнулись с неизбежным, все стало понятно. Мысли отныне – наши враги. Чип способен не только на электрический разряд. Эта штука может парализовать, вызвать сильную рвоту и даже убить. Маленький плоский квадратик, обладающий такой мощной властью.

Думаешь ты в негативном ключе или в твоих мыслях появляются запретные желания – в нашем случае это чтение книг, социальные сети, путешествия и еще пара десятков пунктов, – жди озноб, отек, рвоту, повышенную температуру и прочие неприятные симптомы. Они зачастую проходят на следующий день.

Аморальные думы различного толка чип тоже считывает – за них пока не наказывают слишком серьезно. Вздумал изменить женошке, получи штраф. Понимаю, как абсурдно

это звучит. Однако же в этой идее что-то есть – изменников и насильников мне явно не жалко. Кстати, о последних. Если в твоём сознании в течение одного часа появляются дурные мысли и идеи: ты чихвостишь власть, помышляешь о преступлении, насилии, воровстве, тебя ждет электрический разряд, который может сбить с ног и лишить сознания. Со мной это и случилось. В особо тяжелых случаях за такими вольнодумцами выезжает фургон спецслужбы. Что происходит дальше – загадка Сфинкса. Хотя... разгадка у каждого на устах. Но уже не в мыслях.

Заговоры, помыслы о создании тайных организаций или покушении на вышестоящих караются параличом – временным или пожизненным.

По сути, ты можешь думать о чем угодно – вопрос в характере формулировок и частотности. Чип не настолько совершенен. Но и человеческий мозг, хоть и кажется вершиной эволюции и гениальным божественным творением, все-таки далеко не всегда подконтролен. Мысли владеют нами, а не наоборот. Вот почему люди, работающие с сознанием на протяжении долгих лет, сейчас особенно не страдают от прессинга и наказаний. Их умы чисты. Чип не доберется до подсознания и дальше. Но большинству людей это умение чуждо. Если они не выражают свои эмоции, а чип не считывает волны в мозгу, как если бы они бесились и голосили о несправедливости, деструктивные мысли все равно становятся их палачами. Таково положение дел. Немного радует

то, что эти маньяки додумались пожалеть детей и подростков – внедрение чипа разрешено в том случае, если тебе исполнилось 21 год.

Почему я рассказываю это вам в самом начале своей истории? Все прозрачно: я хочу, чтобы вы в красках представили тот мир, в котором я вынуждена жить. Мир, в котором не осталось места для искренности. Для живых, полных любви и честности, слов. Для книг, которые пробуждают противоречивые, глубокие и откровенные размышления. Но страшнее всего, что не осталось места для самых ценных диалогов – диалогов с самим собой.

2

Я встаю под звуки надоедливой голоса из телепланшета. Очередной предрассветный ворох новостей. Быстро соединяю сознание с телом и диктую себе: *«Не думай, не думай»*. Это самое важное время суток, как и момент засыпания, когда твой мозг наиболее уязвим. Не хочется проторчать около унитаза весь оставшийся день за случайную брань в сторону правительства, возникшую в уме. Благо, у нас есть ночь. Ночью чип не работает, чтобы не тратить энергию на сны, которые не подконтрольны. Примерно с полуночи до четырех утра есть время, когда можно выдохнуть. Но ненадолго. Поэтому я и распинаясь в своих тирадах о потере голоса – мне нельзя давать ему слишком много свободы, он безволен, обездвижен. Хоть я и позволяю ему выходить на прогулку

время от времени.

Это тот самый изъян. Чип не безупречен. Нет ничего безупречного. В этом и есть колоссальная издевка мироздания. Чип не может фиксировать каждую нашу мысль. Наверняка некоторые люди научились его обманывать – как я. Я выучила свою собственную арифметику: умею не реагировать слишком рьяно, уверять себя, что плохая мысль – хорошая. А еще теперь мне ничего не стоит подменить настоящие эмоции более подходящими для этой ерунды в моей голове. Вот такая игра в перестановку. Фэншуй наоборот. Самообман во имя спасения. Полная чехарда и белиберда, но это помогает избежать наказаний. За эти годы меня стошнило раз двенадцать, дважды вырубил от разряда током, и я получила три штрафа. Мало приятного, поэтому теперь я выучиваюсь мастерски дурить систему. Я придумала свой тайный язык эмоций. Спасибо моему гибкому уму и знанию некоторых тонкостей взаимосвязи вербальной коммуникации и реакций психики.

– Какие чудесные вести, Зельда! – что означало *«что за чушь ты снова молотишь»*.

Я не в духе. Около трех часов я писала, пока чип отдыхал. Состояние разбитое и изнуренное, но внутренне я ликую. Вы думаете, я противоречу своим словам, жалуясь на систему, отнявшую у меня свободу и право на слова, при этом имея возможность писать. Все немного сложнее. Это *единственное*, что у меня осталось. Когда с журналистикой было по-

кончено, эти часы стали священными для меня. Я и раньше писала для себя, но сейчас это стало моим воздухом. Я готова не спать и не есть, я питаюсь словами. Самое сложное – не думать о написанном в течение дня и не придумывать ничего, что могло бы возбудить работу чипа.

Мне нужно собраться на работу, выпить кофе, но меня тошнит. Руки трясутся: я подумала о чем-то и не поняла этого? Нет, не может быть.

– Господи, пожалуйста...

Нужно отдышаться... Нет. Просто усталость, просто недосып. Выдыхаю, сканирую тело, мозг. Все в норме. Нужно влить в себя кофе несмотря на то, что единственное чего мне хочется в этот момент – пустить себе пулю в лоб и наконец освободиться. Но, как я не раз себе напоминала, это слишком просто. Я дождусь момента, когда смогу жить счастливую жизнь, в которой не будет ограничений и наказаний за то, что принадлежит только мне, – за мои мысли. *«Вы не отнимите их, не отнимите...»* – шепчу себе я каждый день. Чипу все равно. Он не поймет моих чувств. Они атрофированы, как израненная, обмороженная конечность.

– Ну что ж, – я посмотрела на себя в зеркало со вздохом, – надо как-то начинать этот день, милая моя.

Провожу рукой по коротко остриженным прямым смольным волосам. Я сделала каре, когда поняла, что больше не буду прежней. Теперь геометричная стрижка больше идет моему обезличенному виду. Убираю прядь за ухо и рассмат-

риваю лицо. Слишком бледная кожа, скудная россыпь веснушек, тусклые зеленые глаза, в которых осталось так мало прежнего довольства и запала. Улыбка... когда я в последний раз улыбалась по-настоящему? Знаете, есть улыбка, которая берет начало в самом сердце. Она произвольная, легкая, будто крыло птицы, коснувшееся пробуждающихся листьев каштана ранним утром. Такая улыбка посещает лицо только в минуты безмятежности. Больше всего я скучаю именно по ней. Зато слез в нашем мире – хоть ведрами черпай. На них нет никаких запретов. Поэтому реветь не возбраняется. Как и улыбаться, в целом. Но если можно заставить мозг поверить, что гнев – это радость, то с улыбкой сложнее. Я не могу ее сымитировать. Это как имитировать любовь. Счастье. Безопасность. Можно упорно убеждать себя, что ты влюблен или счастлив. Но это фикция. Губительная ложь. Когда ты действительно счастлив, заставлять себя поверить в это вовсе не нужно.

Мне стоит усилий собраться с духом. Нужно выглядеть хорошо. Это мой личный принцип. Пусть сейчас в моем гардеробе все больше темного, но я все равно не хочу отказываться от красивой одежды и дорогой косметики. Накладываю консилер под глаза плотным слоем, чтобы не было видно синяков. Мертвенную бледность маскирую румянами, воскрешаю яркий оттенок глаз легким движением кисти, тушующей жидкие тени. Немного оттеночного бальзама для губ, парфюма, и, кажется, я выгляжу как нормальный человек.

Моя рука резко взлетает, когда я докрашиваю ресницы тушью. Меня испугал звонок.

– Черт! – пальцем пытаюсь стереть жирный отпечаток туши на веке. Мы придумали столько разных приблуд, однако же косметика по-прежнему ведет себя, как ей вздумается.

Мой телефон примагничен к стене, достаточно моргнуть в экран, чтобы принять звонок. Вижу, что звонит Тори. Ну кто же еще!

– Доброе, мать его, утро! – верещит она улыбающимся ртом, вот кто не растерял оптимизма. Но счастье и оптимизм – отнюдь не синонимы.

– Добрейшее, – я плюю на ватный диск, чтобы стереть следы пресловутой туши.

– Рада новому рабочему дню?

– Просто ликую.

– Чем займешься после работы? Может, выпьем где-нибудь?

Я угрожающе смотрю на нее – все, что связано с алкоголем, тоже карается. Особенно, если ты женщина. Нам нельзя спать с кем попало, знакомиться через интернет, пить крепкие напитки и еще куча пунктов, которые мы, конечно же, старательно обходим стороной. Ищем лазейки и попираем все правила и порядки, навязанные патриархальным обществом.

– ... кофейку, – осторожно добавляет Тори, словно так и было задумано изначально.

– Может быть. Я сегодня не шибко настроена на болтовню, Тор.

Я через экран чувствую ее звенящее беспокойство.

– Ты в последнее время всегда такая, Эсти. Неужели эти *чудотворцы*, – под этим словом мы прячем другое слово: «ублюдки», – пошатнули твою непоколебимую жажду жизни?

Я вздыхаю. Распыляю парфюм за ушами.

– Хорош разводить полемику. Ты не психотерапевт.

– Я круче.

– Бесспорно. А что же ты? Ты сегодня работаешь?

– С полудня. Вот решила позавтракать в нашем старом месте. Подумала, вдруг у тебя окно между лекциями.

– Будет одно. Но мне нужно кучу работ проверить. В другой раз, Тор. – Она не в обиде, но слегка расстроилась: мы не виделись уже две недели.

– Ладно. Позвони мне вечером. А лучше ночью... ну ты понимаешь.

– Угу. Побегу.

– Целую.

– И я тебя.

– Эй, Эсти, – я почти отключила звонок, – ты же не дашь себя сломать, да?

Я улыбаюсь. Но не той улыбкой, о которой я говорила. Другой – хитрой, выдержанной, словно бутылочка французского пино.

– Никогда.

Тори гордо кивает и шлет мне поцелуй. На душе как-то легче. Все-таки Тор – лучший представитель мне подобных.

Прошу голосового помощника сообщить мне время и проложить маршрут до работы. Хватаю ключи и сумку и бегу на парковку, ожидая, что этот день будет хотя бы немного приятнее предыдущего. Как минимум, потому что я нашла «запрещенку» – бумагу. И значит сегодня ночью я буду писать *по-настоящему*, не на чем попало. Конечно, я не думаю об этом, я же не самоубийца. Если у меня найдут бумажные продукты, меня не просто оштрафуют, меня посадят в изолятор на бог весть какой срок.

Да, книги у нас в жестком дефиците. Я храню свои сокровища в тайном месте, чтобы никто не узнал, что они у меня есть. За это могут и прикончить. На черном рынке книги можно сбывать по хорошей цене, а если издания коллекционные – выручки хватит на безбедное существование до конца своих дней. Но по мне, нет ничего лучше книг. Да, я слишком старомодна. Наверное, мне следовало родиться на пару веков раньше, тогда я смогла бы наслаждаться простыми радостями без страха оказаться убитой собственным телом. Книги вышли из обихода давно. Деревьев практически нет. А то, что искусственно выращивают, мало похоже на первоисточник жизни. Вот почему мы не можем дышать без масок на улице. Нам попросту нечем. Воздух в таком же дефиците, что и бумага. Закономерное самоуничтожение. Интересно,

каково это – иметь свою библиотеку и комнатные растения? Я бы заставила все горшками с цветами, чтобы в доме всегда цвела зелень и пахло влажной землей. Но вместо этого я выключаю прибор, продуцирующий кислород в квартире, натягиваю респиратор и с обреченным выдохом выхожу из дома.

От дома до института полчаса езды. Я не тороплюсь, лекция начнется только через сорок пять минут. Успею настроить экран для студентов и сварить кофе, иначе я не продержусь. Когда мозг расслабляется, я подкрепляю его кофеином, чтобы держать в узде.

После того, как я ушла из журналистики, много воды утекло. Я отказалась писать для правительства заказные памфлеты. Я не попала под раздачу, как многие теперь, ведь тогда все только начиналось, нас пытались принудить более гуманистичным образом, создавая иллюзию демократии: *вы можете сделать выбор, и мы примем его*. Но обрабатывали меня долго. Мой талант, оказывается, был высоко оценен:

– Мисс Сильвер, мы просто не можем отпустить такого ценного мастера пера, – улыбался мне новый главный редактор с лощеным, словно начищенным полиролью, лицом. – Для вас будут *особые условия*.

Я была адски напугана, но моей выдержке следовало отдать должное – она не пошатнулась ни на миг.

– Простите, но новая политика издания мне не подходит, – я попыталась выдать вежливую улыбку, вышло некази-

сто и неискренно.

Напыщенный индюк в смокинге скривил губы-скрепки.

– Мистер Андерсон весьма огорчится. Он самолично выбирал кадры для *своих* СМИ.

– Мы не писали для правительства. Мы всегда были независимым изданием.

– Все меняется, – ехидно усмехнулся индюк. – Теперь мы собираем лучших игроков в нашей сфере, чтобы создать единый фронт, если можно так выразиться. Журналисты, которые будут на *правильной* стороне.

– А что есть правильная сторона? – страх уступал место гневу, понемногу я стала ощущать тошноту.

– Та, что платит вам гонорар и говорит, о чем писать. Сторона, правящая миром. Неужели вы, известный журналист, не знаете новостной повестки? Вы меня удивляете.

– Я знаю повестку, поэтому и отказываюсь.

Я прекрасно понимала, что рискую всем. Учитывая нынешнюю обстановку, если ты не за тех, кто у власти, ты против них. А стало быть, если ты против, тебя следует уничтожить. Но, благо, к государственной машине с помощью манипуляций и угроз присоединилось достаточно испуганных писателей и репортеров. Больше не было смысла бороться за меня с выступающим на лбу потом. Одним писакой больше, одним меньше. Но все же стереть меня в порошок, дабы не высывалась – это священное право, которым новое правительство не погнушалось.

– Что ж, это был ваш последний шанс, чтобы писать.

Я вскинула глаза на это ничтожество, открыто мне угрожающее.

– Что-о... – не поняла я.

– Вы не сможете писать. Это запрещается. Если вы не пишете для наших нужд, вы не пишете вовсе. Такое правило, – он развел руками, мне хотелось его убить, от этой мысли затошнило пуще прежнего. – Мы изымаем ваш компьютер и все писчие принадлежности. Сегодня у вас будет произведен обыск. Я предупреждаю из уважения к вашей работе.

– Как же вы будете...

– Контролировать ситуацию? – закончил он за меня. – Все очень просто, мисс Сильвер. Все, что нужно, есть в вашей голове. – Он стукнул по виску указательным и средним пальцами. – Но система пока недостаточно налажена. Мы не сможем узнать все. Пока. Но ваши тексты мы сумеем обнародовать, если вы вздумаете их каким-то образом опубликовать. Даже под псевдонимом. Лучше даже не пытайтесь. – Последнюю фразу он произнес с интонацией, с которой обычно обращаются к детям.

Я опустила голову, ее словно сжали плоскогубцами.

– Это жестоко для человека, любящего свое дело, – практически шепотом проговорила я, представив на мгновения, что я больше не смогу ничего написать.

Мне стало плохо физически. То ли это чип, то ли я настоящая. Тогда я не могла отделить ощущения друг от друга,

они слипались в единую несуразную массу, липкую субстанцию из обрывочных чувств, осознаний и страхов.

– Мы и рады вас поощрить, – снова этот елейный тон, – но вы не даете нам ни единого шанса.

– Я все поняла. – Теперь я явственно начинала идентифицировать свои чувства: я полыхала изнутри, словно раскаленная лава.

Вот тот самый раз меня ударило током с такой силой, что мне казалось, будто я лишилась ног. Меня сшибло волной, исходящей из моего собственного тела. Мое тело предало меня.

Я вскрикнула. Мне никто не помог. Солдафоны глыбами стояли у дверей, подпирая проем. Даже их взгляды меня не коснулись – наверно, их парализовало и без чипа.

– Вы свободны. – На этот раз тон главного редактора был не заискивающим, а алюминиевым.

Я очухалась, но в глазах все еще двоилось, и дико болела голова. Он сделал вид, что ничего не произошло, но что-то зафиксировал в своих бумажонках.

– Звучит как издевка, вам не кажется? – смело бросила я. – Хотя теперь все перевернулось с ног на голову. Каждое понятие. Каждый вдох... все теперь ощущается иначе.

– Это вы верно подметили, мисс Сильвер. Все иначе. И на этом поле вы еще можете решить за какую команду играть.

Я не удостоила его ответом.

Вот так я отказалась от того, что любила больше всего на

свете. Уж лучше не писать вовсе, чем превратиться в продажное перо. Это не мой путь. Ворожить над словами в потемках, словно преступник, рискуя головой, тоже не смахивает на поступок зрелого человека. Это безответственно и глупо. Но иначе я не могу. Уж лучше буду писать для себя под страхом смерти, нежели стану марионеткой в руках этих извращенцев.

Но от благородства мало проку, когда в холодильнике мышь повесилась, так ведь? Лихая бравада писателя с принципами выглядит изящно и вдохновляюще только тогда, когда ты им не являешься. В кино это смотрится круто. В жизни – крайне инфантильно: *«умру с голоду, но не стану есть из вашей тарелки»!*

Моих сбережений могло хватить на первое время, так я подумала. Пока не узнала, что все мои счета заблокированы, и ничего с этим сделать нельзя. Это был ужасный период, сотканный из немого отчаяния, которое даже невозможно было выплеснуть наружу. Бессилие душило меня изнутри. В какой-то момент мне начало казаться, что я схожу с ума – все было каким-то поломанным, фантасмагоричным, пластиковым. Неужели эта та реальность, которую я заслужила? Вопросов было слишком много, а сил бороться – все меньше. Если бы не отец и друзья, я бы точно спятила.

– Ты выпутаешься из этого ада, Эсти, даже не вздумай опускать руки, – говорил папа, когда навещал меня, принося пакеты с продуктами и оставляя новенькие купюры на столе,

будто невзначай.

– Впервые в жизни я не знаю, как быть. Сил хватает только на то, чтобы контролировать свои мысли, которые сжирают меня. Уже три месяца я бьюсь как рыба об лед. Все без толку...

– Послушай, – он присел напротив меня, сцепив руки замком, – чинить препятствия слишком долго они не смогут. Уж очень много важных вопросов им предстоит решить. Поважнее мести журналистке, отказавшейся присягнуть им в верности.

– Я уже полы мыть готова.

– Брось эту нелепицу. Ты талантливый автор и умнейшая женщина. Как насчет преподавания?

– Не знаю, па. Какой из меня учитель...

– Раз умеешь писать, сумеешь и рассказать.

– Это не одно и то же, – с добродушной улыбкой отметила я.

– Попробуй сходить в свой институт, мало ли. – Папа подмигнул, отпив кофе из кружки.

Я и раньше размышляла об этом, но так и не решалась пойти на собеседование в свою Alma mater. Все то время я пыталась просто перебиться на любой работе, за которую платят – но дыхание мне перекрыли основательно. Конечно, и в институте наверняка обо мне пошел слухок. Но отец был прав. Я подождала еще месяц и отправилась к ректору Стивенсону.

Он был старше меня на каких-нибудь семь лет. Невероятно обаятельный и образованный мужчина, которого я знала как преподавателя английского во времена своей учебы. Теперь на эту должность я предлагала свою кандидатуру.

– Эстер, я так тебе рад! – его лицо светилось неподдельным восторгом, он как раз находился в поисках преподавателя. Удача мне улыбнулась? – Я сам тебя учил, будучи зеленым и убежденным консерватором в литературе.

– Запрещенное слово на букву «л», Фред.

Он поник, опустил голову, перевел дыхание – явно сосредотачивая мысли, чтобы чип не сработал по назначению.

– Что ж... этого предмета сейчас нет. Только английский. Есть ворох новых требований. Мораторий на все печатное. Обновленная программа по обновленной системе образования, – Фред бледнел на глазах, эта тема очень его ранила, но он слишком любил наш институт, чтобы уйти.

– Я готова. Если, конечно, я подхожу, – я нервно подергала себя за манжеты белой рубашки.

– Ты прекрасно подходишь. Возьмешь первые два курса. Я все согласую и отправлю тебе письмо, идет?

Я воодушевленно кивнула.

– Фредди, почему ты остался? – спросила я вдруг, уже собравшись уходить.

Он слегка ослабил галстук. Лицо исказилось болью.

– Потому что мне больше ничего не остается, Эстер. Это мой дом. Я не могу его бросить.

Я это знала, но мне хотелось глубже постичь природу человеческих поступков. Я решила отказаться от своего дела из знака протеста. Фредди не смог отказаться из любви и чувства долга.

Мою кандидатуру рассматривала специальная комиссия, словно я устраивалась на работу в ЦРУ! Но его тоже упразднили, так что, наверное, порядок теперь для всего один. Или только для таких бунтарей, как я? Я уже было смирилась, что мне суждена участь безработной и отброшенной обществом на обочину социальной реализации женщины. Видимо, Фред отстоял меня. Или же Андерсон, наше новое всевидящее око, Большой Брат и Люцифер в одном лице, наконец даровал мне индульгенцию. В любом случае спустя полгода после моего фееричного ухода из мира журналистики я вступила на новую должность, погрузившись в иной мир. Этот мир был мне не чужд. Здесь так же были буквы, слова, правила. Я осталась едина с языком. И это даровало мне смысл. В то время как все остальное его нещадно, жадно и истово отбирало.

3

Я не представляла, как преподавать язык, который бежал у меня по венам, но стал настолько иным при нынешней власти. Мы были окружены рамками. Приходилось уместаться в эту окружность, начерченную чьей-то авторитарной рукой. На моем рабочем планшете были все необходимые мето-

дички, по которым следовало вести занятия. Меня это не сильно вдохновляло, но все лучше, чем сидеть без работы, будучи погруженной в бездну апатии и самобичевания. Я понимала, что нужно чем-то жертвовать, чтобы выжить. Жертвовать пришлось многим, но так было безопаснее. Я и без того ходила по тонкому льду. Он норовил вот-вот пойти трещинами под моими стопами, а захлебнуться ледяной водой я была не готова.

Кого мне по-настоящему жаль, так это студентов. Бедные души, лишённые возможности постичь некогда важный для каждого культурный код. Как бы мне хотелось подарить им любовь к великому: к Гомеру, Данте, Шекспиру. Возможно, когда-нибудь они все-таки узнают эти имена, познакомятся с их шедеврами. А возможно, лет через десять в мире вовсе не останется книг. Эта мысль отзывалась во мне тупой болью. Мир без книг обречен. Здесь нечего добавить или убавить.

Сегодня я должна рассказывать о придаточных. На моих лекциях обычно аншлаг – учитывая, что многим девочкам сейчас запрещают получать образования, как во времена средних веков, я радуюсь их количеству в аудитории.

– Итак, вы ознакомились с правилами, которые мы разбирали позавчера? – Пока студенты оживлялись, я пробежала глазами список присутствующих: на каждое имя можно нажать, чтобы увидеть подробное досье с фотографиями и нужными сведениями о студенте. Жуть невообразимая. – Кто помнит, о чем шла речь?

Фелисити Джонс поднимает руку, чтобы ответить. Я кивком приглашаю ее поделиться темой предыдущей лекции. Кажется, в аудитории меньше людей, чем обычно. Я еще раз сверяюсь со списком.

– Спасибо, Фелисити. Все верно, мы говорили о сложных предложениях и их синтаксической роли. Сегодня у нас недостает шестнадцати человек... – больше для себя подтверждаю, что подсчеты верны.

– Многим запретили посещать ваши лекции, мисс Сильвер, – буднично бросает Энди Пинчер. – Ну, типа, грамматика – бесполезная наука, а ваши занятия толкают нас к писанине и прочему. – Он как бы извиняясь пожал плечами.

Я сглотнула ком в горле. Сняла очки и убрала волосы за уши с обеих сторон. Врать, дабы спастись или быть честной ради них самих и той, кем я когда-то была? Страх порой сковывает покрепче цепей. Но слишком долго бояться невозможно. И в конце концов меня всегда в большей мере страшила сама концепция страха.

– Я понимаю. Каждый из вас может сделать выводы, исходя из того, что говорят вам родители, другие преподаватели, люди с экранов планшета. Но в конечном счете имеет значение лишь то, что думаете вы сами. Насколько вы готовы быть собой в текущих обстоятельствах. А быть собой значит... уметь принимать решения, опираясь на свои убеждения и только. – Я принялась ходить взад-вперед по длинной аудитории. – Из этого следует, что вы можете послушать ко-

го-то, кто якобы считает лекции по грамматике английского языка (о, боже!) слишком революционными, чтобы их посещать. Ну да, я забыла об уничтожающей власти фразеологизмов... – Последовали смешки. – А можете научиться тому, что поможет вам развить языковое чутье. Сейчас нам нет необходимости писать грамотно. Если уж совсем начистоту – нет необходимости писать *вовсе*. Но если вдруг у вас есть к этому склонность, я могу лишь разделить с вами восторг от этого непередаваемого чувства предвкушения: когда слова готовы вырваться наружу несдерживаемым потоком. Но чтобы уметь их связать, нужно это пресловутое чутье. Вы должны понимать язык. И чувствовать его.

– Но писать запрещено. Разве что в государственных интересах, – справедливо отметила Бриджит Уэст.

– Увы, это так, – вздохнула я. – Но времена меняются. Когда-то было сложно вообразить, что женщина может издать книгу под своим именем. Мэри Энн Эванс публиковалась под псевдонимом Джордж Элиот, Аврору Дюпер признают под именем Жорж Санд, а «Джейн Эйр» якобы была написана Каррером Беллом, но мы-то знаем, чья рука создала мистера Рочестера.

Знали ли они на самом деле? Очень вряд ли. Я это понимала, но не могла остановиться. Рисковала ли я головой? Более чем когда-либо.

– Мне больно осознавать, что вы так обделены. Вы можете считать мои рассуждения слишком радикальными, но

когда-то это было нормой. Странно. Ведь в каноничном понимании вещей радикальным становится что-то запретное, что-то, что не является нормой, а скорее представляет собой ее противоположность. В нашем же мире все верх тор-машками: радикальным и запретным стала *норма*. – Я почувствовала учащенное сердцебиение. Вот сейчас... сейчас меня сшибет с ног разряд тока. Но удивительно. Ничего не происходило. Я просто разволновалась, но разум мой был чист и ясен как никогда. Чип молчал.

Я окинула взглядом лица, обращенные ко мне. Они внимали. Не осуждали и не возмущались, нет. Скорее, чувствовали себя еще более осиротевшими. В их глазах я нащупала *понимание*. Они заслужили лучшего мира, нормального обучения, а не черт знает чего.

– Простите. Я не могу лукавить с вами. Мне так... так жаль, так горько, что я не могу дать вам всего того, чем располагаю. Я хочу рассказать вам о языке и его возможностях, но разве есть в том прок, когда вы не можете читать вещи, что демонстрируют то, о чем я тут толкую?

– На черном рынке все еще можно раздобыть книги... – не глядя на меня произнес Гэри Болд, он всегда отличался особым прилежанием к учебе. От него я не ожидала услышать подобный намек, хотя как раз-таки следовало бы.

Как и предполагалось, большинство его однокурсников зашипели на него:

– Ты вообще в себе, Болд? Что ты несешь?

– Ты знаешь, что даже мысль об этом может тебя парализовать?

– У нас еще нет чипов, идиотка.

– Все равно, надо быть готовыми!

Я заметила, как Гэри побледнел, казалось, он сейчас рухнет. Он заметил мое беспокойство – это читалось во взгляде:

– Не беспокойтесь, мисс, я уже учусь самоконтролю. Это видно по напряжению в лице, – улыбнулся Гэри.

– Ты стараешься стереть мысль? – повернулась к нему Фелисити. – Это же невозможно. Ты уже об этом подумал.

– Я просто отпускаю мысль. Не хочу через год страдать от разрядов тока. Но чего я хочу по-настоящему, так это *читать*.

Снова охи и вздохи.

– Это невозможно, Гэри. Ты можешь читать то, что предписано. Большого я не могу предложить. Я так же сильно недоумеваю, но не могу ничего сделать.

– А кто тогда может? Кто защитит нас от этого дебильного порядка? Через пару лет нам исполнится 21, и у нас больше не будет возможности. Пожалуйста, помогите нам хотя бы попытаться.

Даже те, кто не разделял энтузиазм Гэри, глядели на меня с мольбой. Неиспорченные души... Головы, не тронутые микросхемами. Они пока еще свободны, но так ли это? Все равно они связаны по рукам и ногам, они живут в мире, в котором практически не осталось света. Позволить им читать

– звучит как утопия. Но кто я такая, чтобы лишать их единственно возможного лучика, пробивающегося сквозь тьму?

– Что ты предлагаешь? – вздохнула я, стараясь переключить эту мысль в своей голове на что-то иное – то, что не вызовет импульс чипа.

– Мы попробуем найти книги. Будем читать по очереди, а вы расскажете о них. Вы же умеете держать мысли в узде, я это точно знаю. Иначе вы бы здесь не стояли после всего сказанного.

– Ты подвергаешь мисс Сильвер опасности, Болд, – огрызнулся Пинчер. – И нас всех! А что, если нас застукают? Что тогда?

– Я готова рискнуть. – Моя реплика заставила даже самую тишину в аудитории завибрировать в такт моего взволнованного дыхания. – Эта затея не для трусов. Но для тех, кто хочет узнать кое-что по-настоящему важное. Без книг, без искусства, без размышлений наши души пусты. Все это питает нас, как дождь питает землю. И если я могу вложить в вас хотя бы крошечную толику того прекрасного, что некогда было частью моей жизни, я готова. Кто бы мог подумать, что тяга к знаниям будет наказуема... но это наш выбор. И вы сделаете его добровольно. Я дам вам время. А пока вернемся к синтаксису.

Что, черт возьми, я придумала? Во что я ввязалась и зачем? После лекции я отдышалась, успокоила мозг, ибо ощутила в голове легкое покалывание – дурной знак. Перевоз-

буждение может стать катализатором срабатывания чипа.

Первым моим порывом было сохранить все в тайне. Но это совершенно не вышло со всей этой мудреной концепцией – не могла же я отправиться среди бела дня на черный рынок, закупиться книгами и как ни в чем не бывало заявиться в кампус? Бред. Все нужно было обмозговать. В голове я заменила образ книг антикварной посудой. Ну а что, не далеко ушли. Но одной мне точно не реализовать эту затею. Нужен кто-то со связями, но кто точно меня не сдаст. Самая идиотская мысль на свете – *Фред*. Прекрасно, я буду просить своего старинного друга и ректора разрешить нам со студентами заниматься запрещенкой. Воображаю, куда он меня пошлет с моими измышлениями. Но выбора не было. С Фредом я решила поговорить на следующий день, остальное следовало обдумать в заветные ночные часы.

4

Ночью я проснулась от кровавых всполохов за окном. Содрываясь в собственной кровати, словно в шхуне, качающейся на морских волнах, я не понимала: то ли это колышутся слои земли, то ли вернулся всадник апокалипсиса в лице войны.

Как выяснилось, все же второе.

Земля уже настолько пропиталась ненавистью, посеянной сильными мира сего, что от беспомощности она иссыхает, тлеет, превращаясь в отчужденный, онемевший постамент.

Но в людях еще теплится что-то живое, по крайней мере, мне отчаянно хочется в это верить.

В нас все еще свежи воспоминания о восстании, поэтому мое тело, вспомнив те ощущения, начинает холодеть, тряхнуться и теряться в бессловесном пространстве, где есть только мрак, сотканный из немой боли.

Сейчас ночь, и я могу бояться столько, сколько вздумается. Не то чтобы мне сильно хочется, но вряд ли мое истощенное сердцебиение будет спрашивать разрешения. Когда я осознаю происходящее, слыша вой сирены, что эхом разносится по моим внутренностям, проникая в меня ревом умирающего животного, я трясущимися руками начинаю шарить в темноте. Найдя сенсорную кнопку, жму на нее, чтобы запустить планшет. С экрана Зельда нервически улыбаясь, будто изнутри ее щеки натянули на скрепки, пытается успокоить население. Затем в доме завопила сигнализация, распевая в унисон звукам сирены снаружи:

– Внимание, воздушная тревога. Сохраняйте спокойствие и незамедлительно пройдите в убежище. Возьмите вещи первой необходимости. Спустись на цокольный этаж и затем в укрытие – оно расположено ниже цокольного этажа по правую сторону от лифта. Там вы будете в безопасности. Внимание, воздушная тревога...

Когда я была маленькой, и началось восстание, все были научены опытом военных лет, и знали, что делать. Но у детей нет этой поколенческой памяти, связанной с попытками

сохранить жизнь в подобных обстоятельствах. Каждый раз я просто цеплялась за маму, чтобы не потеряться в потоке несущихся в укрытие людей – обстрелы заставляли всех за разными занятиями. Я стараюсь не вспоминать то время. Годы детства кровоточат, я перебинтовываю их, но рано или поздно бинты вновь пропитываются кровью...

Сейчас мое тело словно вспомнило, как это было тогда. Я «запускаю автопилот». Одеваюсь, рыскаю по квартире в поисках сумки, в которую засунула браслет с данными. В этом браслете все документы, вся моя личность как гражданина нового мира. С ужасом оглядываю комнату и понимаю, что не убрала блокнот с текстами. Судорожно сгребаю свои сокровища и прячу в положенное место – в подпол гардеробной.

Взрыв. Волна. В ушах гудит, словно кто-то засунул мою голову в набат и ударил по нему пару раз. Но это не столько от шума, сколько от мыслей. Их целый ворох. И главная из них – что, черт возьми, происходит? Неужели опять восстание? Нет. Этого не может быть. Допустить такое, значит, признать крах устоявшейся системы. Вся эта идеология полетит в тартары, стоит людям выказать протест. Но прошлое восстание закончилось катастрофой. Может ли быть иной путь у революции в технологичный век? Даже если сопротивление существует, в чем я очень сомневаюсь, их лидеров вычислят довольно быстро, и тогда чипы сделают свое грязное дело. Никому даже руки пачкать не придется. Фигураль-

но, конечно.

Я не успеваю опомниться от первого взрыва и своих мыслей, как накатывает второй. Я бросаюсь на пол, закрываю голову руками. Буквально сдавливаю ее. Не могу пошевелиться, слепой страх парализует. Нужно встать, чтобы добраться до убежища, но я не могу. Не хватает воздуха, я чувствую, что тело будто мне не принадлежит. И только это пламя в области груди, как будто кто-то поджег мои легкие. Я задыхаюсь от этого дыма...

А перед глазами мама.

Я видела ее в последний раз в ту страшную ночь. Последнюю ночь перед тем, как очередное восстание подавили полностью. Бунтовщиков тогда казнили на площадях, памятуя о жестоких традициях Древнего Рима. Как будто мы откатились на несколько веков назад, когда не было ни Иисуса, ни морали. А что было? Только обесточивающая ненависть. От нее все внутренности зудели. Я была ребенком, но помню, как меня тошнило от запаха смерти, что ореолом окружал каждый метр города.

В ту ночь я окончательно повзрослела. Я поняла, что бог не может ничего сделать, сколько молитв ты к нему ни обращай. Что он попросту оглох или же махнул на нас рукой, увидев, во что превратилось человечество. Есть ли смысл его спасать? Мы стали язвенными ранами на теле этого мира. Но моя мама здесь не при чем. Она не была жестокой. Не творила зла. Она пела мне перед сном. Так за что же она несла

ответ? Почему она платила своей жизнью за грехи других? Все порушилось тогда в моей голове.

Она, как обычно укладывала меня спать. Ее каштановые волосы были собраны на макушке, а пряди у лица упругими дугами обрамляли широкие скулы. Она устала, но не могла оставить меня без песни. Села по-турецки, закрыла глаза, и мелодия полилась из ее уст.

– Ты будешь просить петь тебе до самого поступления в колледж? – смеялась она, вставая с моей постели.

– Еще чего! До самой пенсии. Ты будешь жить со мной.

Мама рассмеялась своим звонким, раскатистым смехом – словно кто-то играл в третьей октаве импрессионистический этюд. Ласковый смех. Он напоминал мне вязаный шарф – я всегда могла укрыться им от бед. Но после той ночи мне нечем было укрыться.

– У тебя будет своя семья, Эсти. Ты вырастишь, получишь образование, встретишь любовь и будешь счастлива в своем доме. Тогда уже твои дети будут просить тебя петь. И твоя песня будет звонче моей. Вот увидишь.

Я провалилась в сон, но, как и сегодня, меня разбудили звуки взрывающегося воздуха. От них в ушах раздавался жуткий скрип – как будто старый отполированный ботинок запикивают в узкую коробку. Кажется, что он засел в голове навечно, но через несколько минут все проходит. Это была самая мощная атака за последние годы. Папа был в отъезде, а мама никогда не спала без него в их постели. Она ложилась

в гостиной на кушетке после нескольких часов ночного чтения. Туда и прилетели осколки. Я не успела ничего сообразить – от взрывной волны часть нашего дома просто снесло. Вот почему я никогда больше не буду жить в частном доме. Детские страхи не всегда можно побороть.

Меня откопали на следующий день. И вместе со вкусом земли, пылью, копотью, ожогами, которые оставили следы на моем теле, в мою жизнь пришли кошмары. Чувство безопасности было бессовестно попрано. К черту все эти праведные революции и борьбу за справедливости, если они отнимают у детей родителей. Нет худа без добра, говорили они. Скажите это ребенку, который лишился матери. Конечно, я не думала о том, что мама не поможет мне выбрать платье для выпускного, не порадуется моим успехам, не прочтет мою первую статью – ее просто не будет рядом. Тогда я думала лишь о том, что она мне больше не сплет. Она больше не рассмеется мне, а значит, не защитит своей любовью.

– Она всегда будет с нами, – говорил мне папа.

– Но ее нет, – упорствовала я.

– Она есть в тебе, Эсти. Я вижу ее в тебе.

– А я хочу видеть ее рядом. Почему она не легла со мной или не пошла в свою спальню? Она была бы жива, будь ты дома!

Подло было винить отца. Но я была ребенком и не понимала, сколько пришлось вынести папе. Я знала все только о своей боли. Мне *нужно было* кого-то обвинить. Так на се-

кунду становилось легче – со злостью высвобождалось горе.
– Я знаю, детка. Я виноват.

От его смирения я распалялась еще больше. Но с годами боль обрела иные очертания. Она никуда не ушла, просто теперь она зарубцевалась, она не воплощалась в гнев. Боль стала моей броней. Меня утешало, что мама ничего не почувствовала. Страшнее всего умереть в муках. От чипа, к примеру. Утешает и то, что мама не увидела настоящего ужаса, свидетелями которому мы ныне стали. Ее чистая душа не выдержала бы этой реальности. Было бы патетично заявить, что мама пала жертвой великой революции. Если бы это было так... только вот все было зря. Эти потуги обрести свободу только все усугубили. Людям вечно мало. Мало демократии, мало прав. И вот, теперь у нас нет ничего. Жертва моей мамы была напрасной. А ведь она верила в счастливый исход. В то, что она будет петь в свободном мире. Спою ли я за нее?

Я возвращаюсь в свою паршивую реальность, чтобы начать рационально мыслить. Не хочу умереть, как бы жизнь мне ни опостылела.

Пытаюсь отдышаться, чтобы восстановить свое восприятие действительности. За окном пышными облаками слоится дым. Что-то все-таки подорвали. Я встаю и быстро хватаю сумку со всем необходимым – такая есть практически у всех. Где респиратор? Беру его, надеваю, и выбегаю из квартиры. Сирена продолжает истошно вопить, сотрясая стены дома.

Вижу соседку с 21-го, она держит ребенка на руках, в ее глазах не страх, но отчаяние, – никогда не понимала, как люди умудряются плодиться в такое беспощадное время. Эгоизма нашему виду не занимать.

– Вам помочь? – кричу я.

Она машинально качает головой, пытается выдавить улыбку, которая сейчас совершенно неуместна. Девчушка на ее руках полусонным взглядом скользит по моей фигуре. Меня начинает мутить.

В укрытии уже довольно много людей – это я опоздавшая, бившаяся в посттравматическом припадке. Современные бомбоубежища сконструированы более надежно, чем когда-либо. По крайней мере, нам так говорят. Но способно ли хоть одно бомбоубежище уцелеть при настоящей атаке? История умалчивает.

Здесь есть все самое необходимое: люди рассыпаны по кроватям, которые обозначены номерами, соответствующими квартирным. Есть холодильники и уборная. Несколько кулеров – воды должно хватить на несколько суток. Телепланшет тоже имеется, сейчас он горит красным с то и дело выплывающим словом ТРЕВОГА. Даже здесь мы слышим хлопки, раздающиеся снаружи, но они как будто стихают.

– Воздуха хватит на двое суток, не больше. – Обращается мужчина из 5Ф к соседу.

– На кой черт нам тогда эти штуковины? – сосед-старик трясет респиратором.

– В респираторе вы протянете дольше.

– Никто не собирается торчать тут двое суток, – встревает еще кто-то, – сейчас все кончится.

– Только вот для кого, – снова кряхтение старика. – Нового восстания не избежать, вот вам и подтверждение.

– Скажите спасибо, что сейчас ночь, иначе вас бы точно хватил удар, – ответила женщина в очках, которая обнимала детей, укрытых покрывалами.

– Да плевать я хотел! Я свое отжил. Лучше помереть честным человеком, чем сраной марионеткой в руках этих извергов!

Все молча потупили головы. Маленькие дети сопели в полусне. Женщина, вошедшая следом за мной, бросала на меня взгляды. Я же просто ждала. Мыслей уже не было. Вот бы так было днем, а не сейчас, когда самое время подумать, о чем хочется!

В укрытии мы просидели пару часов, отбой дали ближе к утру. Некоторые так и остались спать на своих кроватях, боясь подняться домой. Меня же обуяли иные чувства – я никак не могла бы их описать. Изошренная смесь беспокойства и надежды. Если разговоры о восстании – правда, может случиться новая революция, которая свергнет правительство и упразднит наш текущий режим власти. Но все это казалось утопией. Слишком хорошо звучит, чтобы обернуться истиной. В любом случае меня это не касается, что я могу? Я уж точно не революционерка. Не теперь. Или...

Тут я вспомнила о своей затее, связанной с моими студентами. Сейчас это казалось куда опаснее, чем накануне. Бравада моя должна была истончиться, однако же я почувствовала прилив сил. Кто знает, может, эта микро-революции тоже даст плоды? Попытаться точно стоит. Трусость порождает сомнение. А я никогда не была трусихой.

5

– У тебя что, разум помутился? – В грозном шепоте Фреда читалась растерянность.

– Понимаю, как это звучит. Постарайся успокоиться и вдумайся, но не вовлекайся.

Я знала, что Фред умеет ладить с чипом, как и я, но все-таки эта новость могла выбить его из колеи: сердце начнет колотиться, пульс ускорится, мысли будут спутанными, реакции слишком быстрыми – чип считывает именно это. Наше тело сдает нас с потрохами.

– Нет. – Фред глядел на меня в упор, его светлые глаза были непроницаемы. – Эсти, я не позволю тебе так рисковать. – Он замотал головой, ослабил галстук, весь этот разговор был ему крайне неприятен.

– Послушай, я знаю, что это полнейшая дикость. Честно говоря, я сама не понимаю, как решилась даже задуматься об этом. Но есть кое-что поважнее собственной безопасности. Кое-что вечное. Что-то сильнее нас, что живет в веках. Мы умрем, Фред. Но искусство, литература, любовь к пре-

красному останутся – конечно, только в том случае, если мы передадим все это следующему поколению.

– Ой да брось ты эту тираду! – Фред махнул рукой, гримаса исказила его лицо с безупречным римским профилем. – Вся эта беспечная романтика могла бы быть очаровательной в иные времена, Эстер. Сейчас же глупо жертвовать своей головой во имя прекрасного. Ты не Прометей. Забудь об этом. Я не позволю... не позволю. – В волнении он снял пиджак и отошел к окну. Я знала, что он не хочет, чтобы я видела его лицо в эту минуту.

Мы молчали.

Я отчаянно боролась со своими эмоциями. Это все казалось таким нелепым – ссориться из-за вещи, которую мы оба страстно любим. В прошлой жизни мы бы делали любимое дело и не думали спорить из-за очевидного. Сейчас же наши души раздирают в клочья условности и страх. Фред стал преподавателем, чтобы осветить сердца своих студентом, наполнить их музыкой слов. Но теперь не может сделать ничего из того, о чем так грезил. Его руки связаны. И мне следует это принять, но я не могу. Что-то во мне начало пробуждаться, и я пока не могу дать этому дефиницию.

– Фредди, – наконец произношу я, он вздрагивает, – этой ночью случилось что-то, чего наше правительство вместе с Андерсоном уж точно не ожидали. Кажется, грядет новое восстание. Мы не можем взять оружие и пойти в стеклянный замок Андерсона. Но мы можем сделать то, что в наших

силах. Они воздействуют на нас через наш мозг, но мозг – это физиология. А вот сознание, душа – другое. Мы можем показать и рассказать студентам, что можно иначе. Что *было* иначе. Через книги. Через поэзию. Слово – наше оружие. Я не хочу бояться. Только не сейчас. Они просили меня об этом. Я могу спрятаться в нору и трястись за свое жалкое существование, а могу сделать что-то важное. Просить тебя помочь – очень и очень эгоистично, но других воинов слова я не знаю, Фредди. – Он обернулся, и в его глазах теперь звучали переливы сожаления и бессилия. Страшное зрелище.

– Эсти...

– Я не буду давить, но прошу тебя просто подумать. Подумай об этом ночью, а завтра сообщи мне о своем решении. Вспомни старого Фреда. Вспомни то, чему ты сам меня учил. Эти дети заслужили знать то, что знаю я благодаря тебе.

– Мы все заслуживаем чего-то большего. Например, жизни.

И через мгновение:

– Как ты можешь просить меня о таком? – Его руки плясали в воздухе от возмущения.

– Ты бледный. Сядь и выпей воды, или... – я принялась оглядывать кабинет в поисках «секретного шкафчика», – может быть, есть что-то, что вернее тебя успокоит?

– Эсти, черт тебя дер...

– Гляди, аккуратнее с выражениями, – подмигнула я, вставая.

Он выдохнул, и как будто с воздухом, что вышел из его легких, вышли оставшиеся силы, которые он положил на сопротивление.

– Я восхищаюсь твоей решимостью. Но я – не ты.

– Послушай-ка, приятель, по-моему, это не я осталась в любимом институте, который оккупирован со всех сторон идиотскими правилами, законами и постановлениями. В такой сложный период ты не сдался. Ты борешься за то, что тебе дорого. Неужели это не проявление смелости и решимости?

Фред быстро пожал плечами и принялся тереть переносицу – могу вообразить его напряжение. Мне кажется, если бы его можно было материализовать, оно придавило бы нас к стенам кабинета.

– Я просто больше ничего не умею. Мне некуда идти. Я не могу этого лишиться. Просто не могу.

Мое сердце рухнуло в какие-то неизведанные недра, откуда его не достать.

– В любом случае спасибо, что не послал меня сразу же.

Губы Фреда дрогнули от непроизвольной улыбки.

– Эсти, ты меня всегда восхищала. Я... прости меня.

Мне вдруг стало безмерно его жаль. Эта жалость прилипла к моей душе, неужели я все-таки еще могу что-то чувствовать?

– Все в порядке, – я подошла к Фреду и взяла его за руку.

– Я же понимаю, что прошу слишком много. Может быть, я

замечталась, забылась. На какое-то время я вернулась в прошлое, вспомнила ту себя, того тебя. Но мы – уже не мы, глупо это отрицать.

Я чувствовала, что он смотрит, как я уйду. Чувствовала, что ему больно. Он был беспомощен, и это ранило его так сильно – я не в силах была постичь масштабы этой раны. Мир Фреда был крайне неустойчивым, и любой неправильный шаг по этому мостику мог вмиг ввергнуть его в кипящую лаву.

Помню, как впервые увидела Фреда и сразу ощутила какое-то невероятное умиротворение. Он воплощал собой надежность, силу и блестящий ум. Такие мужчины всегда выглядят так, словно знают ответ на любой вопрос. Фред олицетворял собой гармонию красоты внутренней и внешней. Я обожала смотреть, как он ерошит свои светлые волосы, когда читает отрывки из «Божественной комедии». Слушать его было – настоящей отрадой. Он спорил со студентами уверенно, понимая, что примет поражение в случае своей неправоты. Его уверенность меня покорила. Я была влюблена до крайности.

Я посещала его факультатив. Это были лучшие два часа за всю неделю – мой любимый предмет и любимый мужчина. Девичьи грезы питал романтический ореол, который укутывал Фреда. Стоило ему появиться в аудитории, и все становилось неважным. Только он и слова великих.

Он хвалил мои сочинения. Я не смущалась, я знала, что

они хороши. Но как-то он попросил меня задержаться и разобрать один фрагмент из написанного мной эссе. Рядом с ним я как-то особенно робела, эта юношеская романтизация умных взрослых мужчин кажется смешной, когда тебе за двадцать пять, в девятнадцать же все это – очаровательная авантюра; приключение, о котором ты непременно захочешь написать поэму.

– Эстер, садись, пожалуйста, – он встал, как только я вошла. Невозможно было не почувствовать в воздухе волнение, исходившее от него.

Я села напротив, скрестив кисти рук. Фред снял очки и потер переносицу – этот жест сопровождает его всю жизнь.

– Я прочел твоё последнее эссе, очень смело. Ты хорошо прочувствовала тему сегрегации. Часто бунтари, подобные тебе, слишком энергичны в высказываниях, но твой язык не рубит секатором. Он более гибкий, чувственный... – Фред откашлялся, я не понимала причин его смущения. – Словом, ты молодец. С твоего позволения, я хочу направить эту работу в одно местное издание «Сегодня», они могут предложить тебе стажировку.

Я обожала «Сегодня», они делали подкасты с общественными деятелями, а их статьи выходили по 20 штук каждый день. Печатная журналистика осталась в далеком прошлом, которого я не застала, но зачитывалась текстами в электронном виде и чувствовала от этого невероятную радость.

– Это было бы чудесно! Спасибо, мистер Стивенсон. Ва-

ше участие очень ценно... может быть, вы посмотрите критическим взглядом на некоторые мои тексты?

Я порылась в своей сумке и выудила несколько листков. Фред явно удивился рукописным материалам – так уже редко кто писал, разве что мы с ним.

– Вот. Кое-какие наработки. Почитайте, если будет время. – Я пожалала плечами, как бы намекая, что это пустяковина, не претендующая на что-то выдающееся.

– Я буду рад тебе помочь, Эстер! Приятно удивлен, что ты пишешь в свободное время. – Его глаза заблестели.

– Да, я это люблю. – Тут же потупила взгляд.

С того момента я стала часто захаживать в его кабинет. Поначалу между нами не было ничего, кроме разговоров о литературе и разборов моих текстов. Любовь к словам нас сблизила. Периодически мы встречались в кофейнях, говорили захлеб и не следили за временем, что текло столь стремительно. Я чувствовала, что он проявляет ко мне симпатию, но стыдится этого. Я же была влюблена по самые колготки. В какой-то момент я поняла, что больна им не на шутку. Мне было важно получить его одобрение, он стал для меня настоящим воплощением чего-то божественного.

Конечно, немудрено, что мы перешли к более неформальным отношениям спустя год. Никто об этом не знал, даже Тори, которая училась на факультете менеджмента и делила со мной комнату в общежитии.

Мы сидели на открытом балконе в его квартирке, и тогда

я прочла в его глазах одновременно любовь и какое-то мучительное сопротивление всему, что происходило между нами. Мы пили дешевое вино, и, казалось, я никогда не была счастливее, чем в ту минуту. Но этот его взгляд...

– Фред, тебя что-то тревожит?

– Кажется, я люблю тебя, Эсти, – он обречено вздохнул. – И я чувствую себя настоящим улюдком.

Я поставила бокал на столик и нырнула к нему на колени, взяв лицо Фреда в свои ладони.

– Даже не смей так думать, – я коснулась его губ и забыла, как меня зовут.

Наши свидания согревали нас недолго. Я переживала за его репутацию, а он постоянно клял себя за несдержанность и несоблюдение субординации. Не знаю, как нам удалось сохранить приятельские отношения. Любила ли я Фреда по-настоящему, или мне просто вскружила голову эта жгучая смесь его обаяния и интеллекта? Да что за бредни, конечно, я его любила. И эта любовь переросла в уважение и прочную духовную связь. Я боялась причинить ему боль. Я не имела на это право.

Вернувшись домой, я попыталась выдохнуть этот день. В голове было ровным счетом ничего – это мне на руку. Когда наступила ночь, и чип «ушел на боковую», я уселась за слова. Однако же слов не было, и я злилась. Спустя час бесцельного созерцания чистого листа я решила сдаться и лечь спать. Но нужно было хотя бы почитать, чтобы время не прошло

даром. Я принялась за поиски той книги, которую начала два дня назад, и тут раздался звонок... Сердце чуть не пнуло меня в горло.

– Да? – гаркнула я в трубку.

– Эсти... – голос Фреда.

– Ты напугал меня до смерти, я хотела... ну, ты понимаешь.

– Да. – И он точно понимал. – Прости, что звоню поздно, но я подумал о том, что ты мне сказала сегодня.

– Ох, Фред, не бери в голову. Это все нелепица, утопия, я понимаю...

– Нет, Эсти, послушай...

– Да брось, говорить тут не о чем.

– Боже, Эстер!

– Фред?

– Ты невыносима, ты это знаешь?

– То же мне, удивил.

– В общем, Эсти... давай сделаем это.

6

Перевалило за два часа ночи. Фред сидел напротив меня, сложив руки с закатанными рукавами рубашки и усиленно осмысливая все, что мы решили наворотить. Сейчас мое геройство заметно понизило свой градус, и я не чувствовала ни толики уверенности. Странно. В человеке может спорить бесконечное число чувств за долю секунды. Во мне меша-

лись страх, опасения, усталость, ответственность и еще полсотни чего-то такого, в чем мне не разобраться на трезвую голову.

– Сварить эспрессо? – решила я раскрошить наконец тишину, которая напоминала плотное песочное тесто.

Фред кратко кивнул. Его мыслительный процесс сейчас не стоило прерывать. Вокруг него, казалось, вот-вот зазвенят искры – такое напряжение ощущалось во всем его теле.

Я сделала кофе, молча поднесла ему. Натянула рукава свитера до самых кончиков пальцев. Села на пол и принялась смотреть на Фреда в попытках уловить перемены на его лице.

Вот примерно так же мы сидели в тот вечер, когда решили, что больше не можем быть вместе. Хотя мы никогда и не были вместе по-настоящему. Но тогда я поняла, что этого и не могло быть. И не будет. Ни в одном из миров. В тот момент мое сердце буквально превратилось в расколотый орех – только ядра в нем не было. Все сжималось до микроскопического состояния. Я и сама превратилась в крошечное, ничего не значащее пятно на полу. Тень. Безмерное нечто. Абстракция.

Сейчас же я глядела на Фреда и чувствовала только одно. Надежду. Он был моим оплотом, другом, поддержкой. В голове не укладывалось, что я страдала тогда. Я и Фред – больше, чем любовники. Только дружба может быть крепче любви.

– Только ночи... – голос Фреда эхом пронесся по комнате, я еще плотнее вперилаь в его лицо глазами. – У нас есть только ночи.

– А я-то думала, твои пыхтения приведут к чему-то менее очевидному.

Хлебнул из чашки. Усмехнулся.

– Уж прости, что сейчас мои грандиозные идеи не адекватны ситуации в мире.

– Прощаю.

Помолчали. Он еще отпил из чашки и посмотрел на меня исподлобья. Тень уютно прилегла на его лоб – я помню этот его взгляд, он сквозит болью бессилия.

– Что, по сути, мы можем? Только это. Я могу порыться в закромах, найти книги, но это будет сложно. – Фред потер переносицу, его уставшие глаза алели, кофе не помогал взбодриться. – У тебя что-то осталось?

У меня есть привычка покусывать щеку изнутри, когда я волнуюсь или балансирую между двумя опорами из возможных решений. Сейчас я прокусила щеку до крови. Я знала, что могу доверять Фреду как себе, однако же в наши дни боишься даже собственных мыслей...

Каждое принятое мной решение неизбежно ведет к веренице последствий. Какими они будут? Навредят ли мои действия Фреду? Я слишком много думаю. Слишком. Но на то мне и дана ночь.

– Подожди секунду.

Я встаю и направляюсь к окну, беру пульт, который заводит шторы максимально плотно. Ни единому проблеску света не пробиться сквозь эту тьму. Символично, что теперь мы с Фредом олицетворяем этот самый проблеск.

Моя квартира не может похвастаться обширными территориями, но у меня есть крохотная гардеробная с крохотным секретом. В подпол «вшит» потайной ящик. Его не так-то просто найти. Только моим туфлям известно, что прячется под их домами-коробками. Обувной шкаф прикрывает то самое место, где прячутся мои рукописи, а ниже – книги. Отдвигаю шкаф, поддеваю плиту и вуаля! Снимаю ее, вынимаю ящик с бумагами и книгой, которую читала сейчас, а под ним в одеяле из пыли лежит то, что было моей библиотекой. Пара десятков выживших. Мне удалось бы неслабо разбогатеть, вздумай я их продать. Я перечитывала их сотни раз, но уже давно не доставала, дабы не травить душу. Однажды мне вообще захотелось от них избавиться, чтобы не искушать судьбу, но рука не поднялась. Это то же самое, что усыпить любимого питомца. Усыпить часть своей души.

– Ты знал, что некоторые из тех, у кого оставались книги, прочитывали их в последний раз и сжигали?

– Был огромный митинг лет десять назад, – поддакнул Фред. – Это сложно забыть. Тогда эти психи палили книги на площадях, чтобы выразить протест против закоряченной системы. «Цифровая эра, бумаге больше нет места на планете, бла-бла», – Фред тяжело вздохнул. – Экологическую ре-

волюцию, мать ее, приплели. Деградация...

– Тебя бы за трибуну, – усмехнулась я.

– Хорошо, что чип тебя не слышит.

– Пошел бы он к черту. Я нашла Шекспира. Годится?

– Спрашиваешь!

Я услышала в его голосе нотки энтузиазма – Шекспир обладает куда более бодрящими свойствами, с эспрессо не сравнится. Литературоведы так и не смирились с изуверствами по отношению к книгам. Месть наша будет сладка...

– Ну что, вдарим по «Гамлету»? – Я чувствовала трепет от самой мысли, что смогу рассказать о Шекспире студентам.

– У тебя глаза фонарями загорелись. Вот она, сила литературы, – Фред посмотрел на меня почти с нежностью.

Вдруг улыбка упорхнула с моих губ, глаза-фонари потухли, я опустила руки, держащие книгу. И снова вторая крайность настигла меня. Эйфория всегда длится недолго.

– Эсти? – Фред положил руку на мою ладонь. – Что не так?

– Как будто бы все не так. Все, что происходит, в корне не так. В самой своей сердцевине. Я забываюсь, когда мы обсуждаем эту затею, но... стоит проснуться, и меня рикошетит в реальность. Сумеем ли мы ей противостоять?

Фред отечески улыбнулся – врубил препода.

– Если ты ничего не делаешь, значит, молча соглашаешься с системой, разве не так?

– Весь этот пафос давно утратил свою актуальность. Какие из нас борцы за справедливость, мы просто хотим читать. –

Шекспир рухнул из рук, подняв в воздух туман из пыли.

Полминуты он смотрел на меня, подняв брови, затем мы одновременно разразились хохотом.

– Так давай читать. Если быть честным, меня это самого порядком достало.

– Да ну? – притворно удивилась я. – А я-то думала, ты в восторге.

– У меня найдется томик «Гамлета», – Фред поднял книгу и отряхнул ее. – Еще можно попробовать поискать в институтских закромах хотя бы экземплярчик.

– Не все из курса поддержат эту идею. Я чувствовала их страх. И это нормальное чувство. – Я помолчала. – Знаешь, мне кажется, если нам все-таки грозит наказание, я готова его принять. Зачем дорожить тем, что тебе не принадлежит? Это я про жизнь.

Фред улыбнулся, откинул голову, в его взгляде читалось что-то вроде восхищения. Я устала читать его глаза, в конце концов мы с ними были давними и очень хорошими знакомыми.

– Твоя жизнь ценна, Эстер. И сломать тебя не так просто, хотя одно время мне казалось, что им почти удалось это сделать.

– В какой момент? – Я удивилась.

– Когда ты пришла в институт.

Почему-то мне стало стыдно. Я до сих пор не понимала, как воспринимать тот свой поступок: как проявление силы

или же слабости? По крайней мере, с восприятием Фреда все было понятно.

– Ты думаешь, я тогда спасовала?

– Нет. Я думаю, тебе просто не оставили выбора. Иногда наши принципы конфликтуют с реальностью.

– Иногда? – Моя ирония граничила с нарочитым сарказмом.

– Кто-то нашел свое место в этом параде безумцев, – Фред пожал плечами. – Если бы система была противна всем и каждому, ее бы уничтожили. Стало быть, она имеет своих приверженцев, а мы соглашаемся со сложившимися порядками, разве нет?

Я не знала, что сказать. Ощущение, что я играю по чужим правилам, сжирало меня не первый год, но сейчас как-то особенно жадно. Взяв книгу, что лежала на коленях Фреда, я раскрыла ее. Шорох пожелтевших страниц наполнил комнату. Когда-то так звучали опадающие листья деревьев. Симфония умершего мира.

– Если бы они знали, каким будет будущее, – я обращалась к героям пьес Шекспира, – решились бы они что-то изменить?

– Теперь решать только нам.

– Если бы все было так просто. Белое или черное, черное или белое. Определился и сделал выбор. Я не выбирала этот мир, но соглашаюсь жить в нем, значит, я просто приспособленец?

– Приспособиться – значит, сдаться. Принять то, что дают. Ты же отвергаешь эти порядки. Ты не стала работать на правительство, ты продолжаешь писать, хотя это запрещено. Ты хочешь показать студентами настоящую литературу. Приспособленцы не борются, Эсти. Они просто плывут по течению.

Резон в его словах определенно был. Мне всегда было непросто видеть свои сильные стороны. Еще сложнее – признавать их. И тот факт, что я уже делаю что-то, что выражает мое сопротивление, должен вызывать во мне гордость.

– Что ж, – Фред встал, – я поеду. Завтра займусь книгами. А потом мы соберем ребят. Постарайся не думать о революциях в течение дня, идет?

– Я не думаю о них вообще. А вот кто-то вышел за рамки дум. Те, кто поднимают восстание.

– Это была диверсия, не более.

– Тебе хочется в это верить?

– Мне хочется, чтобы это оказалось неправдой. Восстание было бы очень кстати, как считаешь?

Приятно было видеть прежнего Фреда, который верит в лучшее будущее, хоть и старается адаптироваться к нынешним обстоятельствам.

Когда Фредди уехал, я попробовала заснуть, но ворох мыслей не дал мне такой возможности. И все-таки у меня был выбор. «Приспособленцы не борются», – так сказал Фред. А кто сказал, что борьба должна вестись открыто?

Да уж, мы знатоки во всем, что касается притворства. Все упорно делали вид, что той ночью ничего не произошло. Незначительные разрушения быстренько залатали, и не осталось и намека на воспоминание... но если бы мы помнили только последствия. Мы помним причину.

«Сволочи!» – хочется думать так, но вместо этого использую свою «азбуку Морзе» – «затейники!». Синонимично? Если только использовать сарказм в качестве способа выжить, вполне сгодится.

Утром меня не покидает ощущение, что наш ночной разговор с Фредом – лишь игры моего сознания, я сама придумала себе эту сумасшедшую идею и теперь обязана расплачиваться. Но книга Шекспира на журнальном столике говорит об обратном.

«Сегодня ночью», – проскользнуло у меня в голове. Я заставила себя успокоиться, хотя содрогнулась внутренне. Мне стало тесно в квартире, нужно было срочно собираться и ехать в институт. Но тут я вспомнила, что обещала выпить кофе с Тори. Может, оно и к лучшему. Немного отвлекусь и сгребу эмоции в кучу.

Дабы убедиться в том, что я еще не окончательный параноик, я положила книгу просто в ящик стола. Что, в конце концов, может случиться? И впервые за долгое время мне не было страшно. Я задумалась: а ведь книги и вправду спо-

собны разжечь настоящее полымя. Старые издания доступны только привилегированным особам. Нас вряд ли убьют за запрещенного Шекспира, но сейчас мир настолько шаткий и неустойчивый, что лишний риск порождает гнетущее чувство тревоги.

– Скоро нам запретят работать и посещать общественные места в одиночку, без сопровождения. Сюжеты Этвуд и Оруэлла оживают на глазах, – Тори незаметно подливает в кофейную чашку бренди из фляги.

– Что ты делаешь? – гляжу я обескуражено, при этом мне уже следует перестать удивляться ее выходкам: Тори всегда была бесстрашной. – Я тебе поражаюсь, – потираю лоб кончиками пальцев.

– А что? – разводит она руками. – Тонизирующее средство мне не помешает.

– Ты же знаешь, как сейчас критично общество к женщинам. Сама минуту назад об этом талдычила.

– Пфф, только сейчас, Эсти?

– Я ретируюсь.

– Мне кажется, чип не слишком-то изменил нашу жизнь. Люди продолжают думать о всякой фигне, только теперь получают за это разряд тока или штраф.

– Тори, боже ты мой...

– Я тебя умоляю! Если я перестану юморить, можно смело заколачивать крышку моего гроба. Ты выглядишь неважно. Бессонная ночь? – Теперь ее лицо приобретает серьезное и

участливое выражение.

– Ничего нового, – тру красные веки. – Мы тут задумали с Фредом кое-что, что тебе бы понравилось.

– Оу! – В ее глазах загорелись фитильки. – Я должна это знать?

– Пройдемся?

Я знала, что у Тори тоже остались какие-то книги, доставшиеся ей после смерти бабушки. Она хотела их продать, но это был бы жест, противоречащий ее принципам. Ей была свойственна бунтарская беспечность, она с легкостью могла возглавить восстание, шла бы с шашкой на голо в первых рядах. Словом, можно было позаимствовать ее экземпляры для наших занятий.

– Я могу посмотреть на твои ценные реликвии, доставшиеся от бабушки? – обращаюсь я к Тори, когда мы бредем по кладбищу некогда цветущего парка: несколько оставшихся деревьев спрятаны в специальные вакуумы.

– Хм, коллекцию тарелочек с росписью? – не понимает Тори.

– Скорее то, что больше ассоциируется с деревьями и мыслями...

– Оу! – снова вскрикивает Тори, ее респиратор запотеваает от учащенного дыхания. – Можем пойти хоть сейчас, но...

– Тори оглядывается, – ты хочешь взять что-то для личного пользования?

– Читать не возбраняется. Это слово мы еще используем, –

подколола я подругу. – Вопрос в предмете чтения. Мне нужно кое-что из черного списка...

Тори медленно кивала.

– Что бы там ни было, я за. Поедем, у меня есть отменный херес. Тебе нужно немножко сбросить напряжение.

Другого ответа я и не ожидала. Мне было доподлинно известно, что Тор никогда не лишит меня поддержки и помощи, что определенно требовалась в данный момент времени. Она не осудила бы меня, вздумай я пойти с атакой на здание правительства, вооружившись одной лишь пилочкой для ногтей. Более того – Тори стояла бы рядом со мной плечом к плечу. Авантюры и рискованные затеи – то, что воодушевляло ее, как никого из тех, кого я знаю. Не зря ее называли в честь скандинавского бога¹...

Мне всегда было интересно, где хранились все те книги, что остались от прошлых поколений? Литература, которая противоречила актуальной философии мироздания, была уничтожена, стерта со всех анналов, словно некогда значимые слова никогда не орошали страницы, знавшие лучшие времена. Вот он парадокс – наши предки мечтали о лучшей жизни для потомков, а мы все испаскудили. И где эта чертова геометрическая прогрессия, по определению ведущая к апофеозу счастья для всего мира?

Кто успел, запрятал книги, представляющие ценность. Кто-то быстренько выторговал за них неплохую сумму на

¹ Тор – бог грома и молний в германо-скандинавской мифологии.

счет – наличных денег у нас не водится по той же причине, почему умерло книгопечатное дело. А кто-то, как два идиота: я и Фред, все еще лелеют веру в невозможное. В то, что мы перестанем демонизировать все на свете и придем если не к демократии, но хотя бы к чему-то отдаленно напоминающему ее. А может, все прошлые формы правления изжили себя и пора придумать что-то новое? Вот этим только мне не хватало забивать голову. Верно говорят: голодная курица во сне просо видит. Я та самая голодная курица! Я изголодалась по нормальности. Может, нет в ней ничего дурного? Может, эта крошечная толика свободы и есть благо, которое стоит ценить и хранить, как нечто хрупкое?

Я думаю об этом по пути к Тори. И вот он, феномен Баадера-Майнхоф² в деле: мы проезжаем мимо центральной улице, где на углу виднеется один из немногих оставшихся книжных. Конечно, назвать его так можно разве что с натяжкой. В этом месте можно приобрести свежие издания новоявленных «танталов», поддерживающих наш никуда не годный социальный уклад. Подумали, что это прямо-таки настоящие книги? Даже эта графомания достойна более изящного воплощения, но нет. Исключительно электронный формат. Можно ознакомиться с аннотациями, заплатить, и на ваш планшет будет загружена книга. Инновации, да и толь-

² Феномен Баадера-Майнхоф – когнитивное искажение, при котором недавно узнаваемая информация или появившаяся мысль реализовывается в объектах, которые попадают на глаза и напоминают об этой информации или мысли.

ко! Бред, конечно. Раньше можно было скачивать все что угодно в свободном доступе и бесплатно. Но сейчас иной мир. Цензура может похвастаться острыми клыками.

Тори наливает мне херес, пока я изучаю те немногие книги, что стали напоминанием об утерянном мире. До сих пор не возьму в толк, отчего же современная бумага, несмотря на свою новую формулу, не пригодна для книг? Хотя бы небольшие тиражи могли бы спасти нас от стремительной деградации. Бог с ним, с Ницше, Достоевским и Гессе, но есть литература, которая не несет собой чрезмерно сложной мысли, а лишь обогащает душу красотой, любовью к человечеству. Без разбора уничтожать книги – на это были способны фашисты в одну из самых страшных войн за всю историю человечества. Кажется, наша нынешняя власть не слишком далеко ушла.

– Держи, – Тор протягивает мне тоненький бокал на изящной ножке. – Нашла, что искала?

– Шекспира позаимствую? – наглаживаю шершавую обложку, которая насчитывает добрую сотню лет.

– Какие вопросы. – Пожимает плечами и усаживается рядом. Веснушчатое лицо улыбается мне.

– Ты отчаянная – держать книги вот так на виду...

– И пить херес! – смеется она.

Пышущая здоровьем Тори олицетворяла собой настоящее ирландское неповиновение. В ее крепкой фигуре, рыжих локонах до лопаток, веснушчатых щеках и ладонях бур-

лила родовая сила. Глаза синие, будто буйное, темное море поселило в них свои воды. Эта кельтская красота отсылала к самым истокам мироздания: когда огромные мегалиты разрезали лесные просторы, в макушках деревьев путались пташки, реки разбухали от долгих дождей, а мир был укрыт благостным покоем.

– Да уж, это все запрещенка, помноженная на запрещенку.

– Что поделать, я амбассадор всего запретного, – Тори победоносно вскинула подбородок и отхлебнула из бокальчика.

– И все-таки будь осторожнее, – кладу свою ладонь на ее руку.

– Ох, да что со мной станется. Слово «херес» мой чип никак не фиксирует. Для меня это чаек! Они думают, что обдурили нас, но надо еще посмотреть, кто кого. Думают, лишили нас привычных источников знаний, так наши мозги иссохли, – она фыркнула, – как бы не так! Мы стали еще более изобретательными и изощренными в своих попытках надурить систему.

– Ну вот, хочешь разряд тока в задницу? – Я начинала злиться такой безответственности, ко всему прочему и без того бледное лицо Тори покрылось неестественной белизной. – Тебе плохо, Тор?

– Да сейчас пройдет...

– Ну ты бестолочь! Нашла, о чем разглагольствовать! Принести воды?

– У меня есть средство...

– Что?

– Капли... в ванной... красный бутылек.

– Черт бы тебя побрал, Тор! Сейчас принесу.

Я метнулась в ванную комнату, открыла зеркальную створку, порылась на полках глазами и наконец обнаружила заветные капли. Что еще за средство такое? Спрошу об этом позже.

– Держи, – протянула бутылек, сомнительно взирая на него.

Она дрожащими руками откупорила бутылек и плеснула несколько капель прямо в свой живительный напиток. Сомнительное действие, но я даже рта раскрыть не успела. Тори опрокинула бокал с хересом и, закинув голову, принялась глубоко дышать, усмиряя колотун, что завладел ее телом.

– Ну во-от, кажется, отпустило, – выдохнула она, и ее лицо обрамило довольное выражение.

– Тори, ты чокнутая. Ты в курсе?

Я завелась из-за того, что перепугалась. Страх – лучшее топливо для гнева.

– Да забей, – она махнула рукой.

– Нет. Не забью. И часто тебя прижучивает?

– Хочешь это обсудить? – Она закурила.

– Что это за капли? – Я снова взяла флакон в руки.

– Купируют приступы. Достала у барыги на черном рынке. Там, кстати, и недурной виски можно найти.

– Я тебе поражаюсь...

– Ты лечишься одним, а я другим. Думаешь, есть разница?

– Я уже ничего не думаю...

– Дать тебе один флакончик на всякий? – подмигнула она.

Я знала, она не смирится. Никогда. Тор не откажется от той жизни, что ей близка. Она будет так же бегать на свидания без обязательств, пить херес и ирландский виски, хаять правительство, даже, если в конечном итоге ее разобьет паралич. Зато она уж точно чувствует вкус жизни, а что чувствую я?

– Не злись, ладно?

Я затянула с ответом, и Тор серьезно взглянула на меня, положив свою ладонь мне на предплечье.

– Я не злюсь. Просто беспокоюсь за тебя. Так нельзя, Тор. Слишком много реакций чипа, и может случиться страшное...

– А что может быть страшнее того, что происходит в мире сейчас? – Я опустила глаза. – То-то. – Тори цыкнула.

– Эти книги нужны для моих студентов.

Я сама не поняла, как у меня это вырвалось, но было ощущение стыда за отсутствие той смелости, коей обладала Тори. Как мы можем что-то изменить, если даже боимся говорить о жажде перемен?

Чувствую, как эта мысль прокрадывается в сознание. Вот сейчас... сейчас меня стошнит, или...

Но ничего не происходит. Значит, эту мысль чип не мо-

жет постичь, слишком она расплывчатая, нет определенных контуров. И все-таки мозг – уникальная вещь!

Я вижу на лице Тори одобрение, она обновляет наши бокалы.

– Сделай это, детка.

– Думаешь, справлюсь?

– Обязана, – вкрадчиво произносит она.

– И я так считаю.

– Главное, меньше думай об опасностях. Не представляй в красках, что случится, если вас накроют. С тебя станется, с твоим-то воображением.

– Не в бровь, а в глаз...

Мы поднимаем бокалы, чокаемся, и я чувствую, что сила подруги заразила и меня. Или это беспечность? Черт его знает, только вот первое мне необходимо сейчас куда больше. А если беспечность поможет довести дело до конца, что ж, ставки сделаны! Как сказала Тор, нет ничего страшнее того, что уже происходит. Стало быть, что я теряю? Вдруг я смогу обрести нечто утерянное. Себя, например.

8

Не думать. Не думать. Не думать. Очистить разум...

Этот месяц я медитировала по три раза в сутки. Мне была важна полнейшая концентрация, ибо чувства порой преобладали над силой рассудка. Все мои отшлифованные схемы, которым я выучилась за годы тренировок сознания, перио-

дически подводили меня. Все-таки не следует забывать, что я живой человек и имею право на ментальные «поломки».

Мы реализовали наши первые чтения через день после моего дружеского визита к Тори, когда она стала жертвой припадка. Конечно, первая встреча состоялась ночью. Как и вторая. Но мы с Фредом решили, что это слишком подозрительно. Родители студентов могли заподозрить неладное. Да и для патруля, то и дело шастающего по улицам и контролирующего каждый закоулок, наш кружок любителей книг мог стать заветной добычей.

– Надо придумать что-то получше... в целом, за мысли о литературе мы не огребем, – говорила я Фреду после очередной встречи, он заехал ко мне на чашку эспresso.

– Да уж. Огребем за подпольные сборища. – Его серьезный тон можно было понять: Фред как никто рисковал.

– А что, если мы придумаем какой-нибудь факультатив? На бумагах будет одно, а на деле... – Я помолчала. – По ночам встречаться мы не можем. Дурацкий план. На собрания ходит двадцать человек. Это привлекает внимание. А эти психи вот-вот придумают очередной изуверский закон, касающийся женщин.

Чертова интуиция! Хоть бы раз подвела меня...

Через неделю был введен комендантский час для женщин. После девяти вечера мы могли появляться на улице только в сопровождении мужчин. Запрет на алкоголь и адюльтер – был лишь вершиной айсберга. Да и комендантский час, как

выяснилось, тоже...

Постепенно ситуация стала ухудшаться, а все из-за акций протеста многих женщин. Тори тоже в них участвовала. Я пыталась ее отговорить, но кто заботиться о безопасности, когда мир по определению перестал даровать ее нам? Что ждало этих девушек? Удары током, изолятор, наказания. И усиление без того жестких мер в отношении женщин.

– Скоро меня попрут и с этой работы, – говорила я Фреду, когда мы в его кабинете все-таки готовили документ для введения факультатива.

– Не говори глупостей, – Фред нахмурил лоб.

Я бросила на него испепеляющий взгляд.

– Я могу выразить свои опасения? – саркастично спросила я.

– Безусловно. Но я не позволю тебя уволить.

– Это решать не тебе. Если введут закон, запрещающий женщинам работать, ты ничего не сможешь сделать.

– Я тут все думал... какая в этом цель?

– Опасно об этом думать. Я говорила, что случилось с Тор. А вообще... какая цель может быть? Вернуть традиционный общественный уклад. Поработи...

– Эсти! – Фред вскинул брови.

– Молчу. – К горлу подкатывала тошнота, чип уловил то, что я пыталась замаскировать под спокойными интонациями.

– Выпей воды, через полчаса у нас факультатив. Ты гото-

ва?

– Всегда, – хмыкнула я.

Пока нам удавалось держаться плана. Мы прочли «Гамлета» и «Дон Кихота». Я не могла нарадоваться умным лицам студентов, которым настолько полюбилась наша общая тайна. Они жадно поглощали все, что я им предлагала. Мои мысли были в безопасности, чипу не к чему придраться, хоть мы и боялись. Кодовые слова помогали родить целостную ассоциацию. И хоть страхи периодически накрывали меня пышной волной, я отделялась только головокружением.

– Итак, я принесла вам кое-что необычное. Есть четыре экземпляра «Потерянного рая» Милтона. По заведенному обычаю, четверо из вас читает несколько глав первыми, затем вы передаете книги другим и так по очереди. На этот раз экземпляров меньше, возьмем чуть больше времени, но лучше не затягивайте.

Я обратила внимание на количество студентов – сегодня их было меньше. Всего две девушки из восьми.

– Где же Кейси, Наоми, Джил? – словно между прочим поинтересовалась я.

Переглядывания. Я уже все поняла. Но хотелось бы, чтобы мои предположения не оправдались.

– Не смогли прийти.

– Ясно... давайте продолжим обсуждать Сервантеса, а позже мистер Стивенсон расскажет вам немного о Милтоне.

После занятия мы с Фредом вернулись в его кабинет. Ме-

ня слегка трусило, предчувствие недоброго сдавливало меня, словно плоскогубцами.

– Что с тобой? – Фред всегда был проницательным.

– Ты уверен, что в той аудитории нет камер?

– Эсти... – И снова это выражение лица, словно я без конца донимаю его своими конспирологическими теориями.

– Это не паранойя, просто... мне кажется, что-то всплыло. Не просто так девочки перестали ходить. Вдруг у них нашли книги, а еще хуже – кто-то из этих властных родителей, что в университетском совете, прознали про наш «факультатив».

– Тогда бы нас уже допрашивали, – Фред не смотрел на меня, просто спокойно наводил порядок на своем рабочем столе.

– Ладно... может, и правда паранойя.

– Мы же только накануне обсуждали все эти ужесточения, связанные с женщинами. Ты и сама не раз рассказывала, что студентки реже стали посещать твои лекции. Кстати... – Он словно что-то вспомнил. – Тут несколько из них отчислились. Но не те, что посещают наш... кружок.

– Началось... – Теперь мне стало по-настоящему страшно. – Традиционное общество... Вот за это боролись феминистки! – Я бросила это саркастичное замечание вместе со стаканом воды.

От неожиданности Фред замер. Но не стал меня журить или успокаивать. Просто принялся надевать пиджак.

– Я отвезу тебя домой.

Я кивнула. Не хотелось оставаться одной и сходить с ума. К тому же мне опять становилось плохо. Я вспомнила о средстве Тори.

– Налей мне еще воды, – проскрипела я.

– Ты плохо себя чувствуешь? – Голос Фреда показался мне слишком взволнованным.

– Очередной приступ... эта тема меня слишком ранит.

Фред налил воды и поднес мне, присев на корточки. Я достала флакон Тори дрожащими руками, как она в тот день... Набрала пипеткой жидкость. Капнула в воду. Выпила залпом.

– Что это за дрянь? – Фред скептически взирал на бутылек, я понимала его недоумение.

Я прикрыла глаза и попыталась снова собрать воедино свое сознание, словно пазл, помогающий мне выжить. Почувствовав облегчение, замедление сердечного ритма, я выдохнула и вернулась в реальность. Перед моими глазами во всей своей красе предстало озабоченное лицо Фреда.

– Эта дрянь и правда помогает, – ухмыльнулась я.

Фред снова принялся изучать флакон, сдвинув брови. Потом его словно осенило, будто молния шарахнула прямо ему в лоб.

– Ты в курсе, что это почти то же, что наркотик? – Он пихал это средство мне в лицо, видимо, рассчитывая, что так до меня дойдет лучше.

– Не в курсе. В курсе, что это средство помогает.

– Откуда ты это взяла?

Я уже устала от его напористости, мне не хотелось бы продолжать этот разговор, дабы не вызвать очередной приступ. Я и так была на нервах все это время, а Фред еще пуще распалил костер моих тревожных мыслей.

– Неважно. О чем мы говорили? – пыталась я отмахнуться от него.

– Эстер, так нельзя, – почти шепотом произнес он. – Если это найдут у тебя... даже охрана института, ты знаешь, что будет?

– Успокойся, – я встала, собравшись уходить. – Я не пользовалась этим раньше, просто эксперимента ради. Перелью в какой-нибудь другой флакон, – пожала я плечами.

– Так уж это и поможет... – Этот ироничный тон пробуждал во мне желание разбить что-нибудь об его голову.

– Ты уже давно не мой преподаватель, оставь эту назидательность. – Фред казался уязвленным. – Я хочу обзвонить девочек, мне важно понять, что же все-таки происходит. Отказываюсь верить в этот мезогинический бред.

– Я просто беспокоюсь за тебя. – Фред словно и не слышал, что я говорила.

В тишине кабинета ухнул мой тяжелый, весом с гранитную плиту, вздох. Меня откровенно бесили любые проявления беспокойства обо мне – особенно со стороны мужчин, которые некогда представляли предмет моих обожаний. В

моем случае, таким предметом был исключительно Фред. Я могла понять его чувства, но он упорно не хотел понимать моих. Сейчас перед нами стояли куда более важные вопросы, нежели исследование морали в контексте товаров с черного рынка.

– Я устала. Поеду домой и займусь делом.

– Ты же не станешь слушать меня, верно? – бросил мне Фред, когда я была уже около двери.

– Смотря что именно ты мне скажешь.

– Будь осторожнее. Чип реагирует, Эстер. Значит, ты не осторожна. Это может навредить тебе. *Ты сама* можешь себе навредить.

Что тут ответить? Как я могу быть спокойной, когда мир рушится у меня на глазах? С каждым днем все становится еще более эфемернее, все расшатывается, расползается на куски, под которыми лишь гниющие останки прежней реальности. Чем же мы так насолили нашим предкам, что они заставили нас встать вплотную к горящему столбу? Почему не сберегли хотя бы толику света для мира, что ослепила парализующая тьма?

– Мне уже как-то плевать.

– А мне нет... – Фред как-то замялся, его тон был серьезным и сквозил каким-то смиренным отчаянием. – Прошу тебя, Эстер, – он не смотрел на меня. – Ты знаешь, как много ты для меня значишь.

– Эй, – произнесла я совсем как раньше, – Фредди, – я

заставила его повернуться ко мне, и его взгляд вызвал во мне прилив жалости и нежности одновременно. – Со мной все будет хорошо. Обещаю тебе. Я возьму себя в руки. – Для пущей убедительности я выпрямилась и медленно кивнула.

Я навсегда запомню то выражение лица Фреда. Чистейшее олицетворение боли, какой она представляется в страшных снах. Но даже монстры пугают не так, как беспомощность, заключенная в лице одного из самых сильных людей, которых ты знаешь.

Выйдя из здания института, я все еще пребывала в растрепанном состоянии. И тут случилось что-то совершенно странное. Люди в серых костюмах остановили меня около моей машины:

– Мисс Сильвер?

– Прошу прощения? – я немного растерялась.

– Нам приказано проводить вас к мистеру Андерсону.

Мои глаза готовы были выкатиться прямо на парковочное место, которое эта парочка амбалов заняла.

– Вероятно, вы перепутали меня с кем-то другим... я всего лишь преподаватель.

– Нет. – Тон не подразумевал возражений. – Нам нужны вы. – Еще более непреклонно.

– Что ж... могу ли я узнать, какова цель нашей встречи?

– Мистер Андерсон вам все объяснит.

Не думать о чтении, не думать о текстах. Боже мой, сколько всего нужно спрятать в чулан своего сознания!

– Я могу отказаться?

Боровы переглянулись.

– Мисс, – один из них попытался смягчить интонацию, – чем быстрее вы сядете в машину, тем быстрее узнаете о цели встречи.

Я напустила на себя уверенный вид, словно все совершенно в порядке. Но, мать его, что происходит?! Паника начинала бултыхаться где-то внизу живота и пускать корни по всему моему телу. Но я не разрешала ей пробраться к мозгу.

Я покорно села в машину, прокручивая в голове, что бы могло вызвать интерес Андерсона к моей персоне. Вариантов было не так много... кто-то донес на нас. Но не слишком ли это почетно для рядового нарушителя – встречаться с самим Джейком Андерсоном. Он является одним из столпов власти в нашем правительстве. Отвечает за порядки, законы и их строжайшее соблюдение. Я видела его на одной из пресс-конференций. Скользкий тип с ворохом комплексов. Что бы ему ни понадобилось от меня, у меня очень мало шансов не отхватить по полной. Все, кто попадал в лапы Андерсона, садились в специальное кресло с датчиками, позволяющими считать твои мысли от и до. Своего рода современная версия детектора лжи. Но без права на ошибку.

Когда мы подъехали к зданию правительства, в моей голове была лишь одна единственная мысль. Вход в ад выглядит именно так.

Не помню во всех красках обстановку, но одна единственная ассоциация все-таки просверлила раздел моего мозга, отвечающий за память, – пластмассовый гроб. Вот на что похоже это здание. Непробиваемые стекла, как усмешка, брошенная словно между делом всем тем, кто взирает на величие самопровозглашенных, что возвели себя на трон. Запах крови пропитал эти стены. Ходили слухи, что здесь есть специальные помещения в катакомбах под землей, где пытаются тех самых бедолаг, чьи чипы слишком рьяно реагируют на неуютные мысли. Это здание имело броское название – Пантеон. Имеет ли смысл пояснять, в чем причина столь поверхностной и бестолковой патетики? Тут восседали великие мира сего, отвечающие за ту часть страны, которая некогда представляла собой различные независимые и автономные государства. Обитатели Пантеона – разработчики системы чипирования, представители власти, приспешники Андерсона и он, собственной персоной.

Меня провели по белоснежному коридору, от которого в глазах рассыпалась рябь. Я чувствовала тошноту. Меня мутило так часто в последнее время, что я уже перестала понимать, то ли это чип, то ли элементарное волнение. Нервишки у меня и правда выходили из строя, что уж скрывать. И еще на кой-то черт я понадобилась Андерсону. Его величество пожелало узреть одного из своих бесчисленных слуг. Я старалась не думать о том, что могло послужить причиной

этой встречи. Скоро я все узнаю. Скоро меня убьют. Или помилуют. И впервые за долгое время мне не было все равно. Ведь только сейчас я начала понимать, что имею крошечную власть. Я могу что-то изменить. А это – уже много.

Меня проводили в специальную комнату, где датчик исследовал мое тело от и до на наличие оружия и бог знает чего еще. Отсканировали мои мысли. Наверное, даже содержимое кишечника исследовали. С них станется...

– Что дальше? – устало спросила я у верзил, стоящих у дверей.

– Следуйте за нами. – Ответ дан абсолютно бесцветным голосом. Видимо, эти люди потеряли даже способность чувствовать. Новый эксперимент, чип в сердце?

Снова шествие по нескончаемому коридору. Как их не тошнит от этого выбеленного лабиринта... и как они тут ориентируются? Все такое одинаковое и нарочито чистенькое, так и хочет пройтись по этим коридорам с ведром красной краски.

Мы поднялись на лифте, кажется, на самый верх. Перед моими глазами предстал своего рода «колпак», вакуум – помещение, отделенное от всего здания куполом. В этой стеклянной луковице и обитал Андерсон. Оригинально, ничего не скажешь. Этим конформистам следовало бы немного усовершенствовать свой архитектурный вкус.

– Вам сюда, – один из охранников нажал на кнопку, и дверь в купол открылась.

Я скептически подняла на него глаза, вздохнула и вошла. Уверена, моя походка казалась расслабленной – эдакая вялотекущая леность, сдобрившая мышцы. Однако же я была напряжена донельзя – прямо-таки натянутая струна, что вот-вот лопнет.

– Мисс Сильвер, – меня встретила белозубая девушка с планшетом в руках.

– Это я, – говорила я как можно более уверенно и спокойно.

– Меня зовут Кэрол Брик, я личный ассистент мистера Андерсона. Он уже ожидает вас. Могу ли я предложить вам кофе или воды?

Я окинула ее взглядом. Гладкий пучок, волосок-к-волоску, слишком кукольная, идеальная, тонкая и выхоленная. Меня пугают такие женщины, есть в них что-то от тех прототипов роботов, что создали несколько лет назад, дабы увеличить производительность бог знает чего. Ее белый (конечно же) костюм сидел на ней слишком хорошо. Я в своих джинсах и зеленом жакете явно спорила с этой белизной, орущей из каждого угла. Что они хотят этим сказать? Эта белизна такая же абсурдная, как концепция мнимого идеального мира, который они обещали построить. Метафора «ничего», пустота, отсутствие цвета, отсутствие жизни. Чистота? Лишь иллюзия чистоты. Смехотворная, унижительная метафора порядка. Аллегория беспорядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.